

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

МАСТЕР СЛОВ

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ,
ЕЛЕНА БЫЧКОВА,
НАТАЛЬЯ ТУРЧАНИНОВА

ЭРИНЕРЫ ГИПНОСА

Мастер снов

Алексей Пехов

Эринеры Гипноса

«Автор»

«Автор»

«Автор»

2017

Пехов А. Ю.

Эринеры Гипноса / А. Ю. Пехов — «Автор», «Автор», «Автор»,
2017 — (Мастер снов)

ISBN 978-5-9922-2504-4

Мир снов непознаваем, нелогичен, наполнен глубинными страхами и опасностями. Но он существует по своим жестким правилам и нерушимым законам. Здесь нет судий, которые отмеряют степень вины. И нет палачей, исполняющих приговор. Однако все, кто погружаются в его реальность, редко осмеливаются разбивать парадоксы и логику сновидения. Потому что знают – рано или поздно возмездие настигнет нарушителя. В глубинах подсознания обитают свирепые эринии. Они продолжают преследовать тех, кто не в силах противостоять им. Даже в реальности. Обманывая чувства сильнее любого миража, разрушительные сожаления сокрушают волю. А разум человека сам решает, насколько велико будет наказание – апатия, беспричинный гнев или сломанная жизнь...

© Пехов А. Ю., 2017

© Автор, 2017

© Автор, 2017

© Автор, 2017

ISBN 978-5-9922-2504-4

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	53
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Алексей Юрьевич Пехов, Наталья Турчанинова, Елена Бычкова Эринеры Гипноса

Мир снов непознаваем, нелогичен, наполнен глубинными страхами и опасностями. Но он существует по своим жестким правилам и нерушимым законам.

Здесь нет судий, которые отмеряют степень вины. И нет палачей, исполняющих приговор. Однако все, кто погружаются в его реальность, редко осмеливаются разбивать парадоксы и логику сновидения. Потому что знают – рано или поздно возмездие настигнет нарушителя. В глубинах подсознания обитают свирепые эринии. Они продолжают преследовать тех, кто не в силах противостоять им. Даже в реальности. Обманывая чувства сильнее любого миража, разрушительные сожаления сокрушают волю.

А разум человека сам решает, насколько велико будет наказание – апатия, беспричинный гнев или сломанная жизнь...

Глава 1

Призраки из прошлого

Мы стояли у входа на небольшое кладбище.

Древняя арка ворот, сложенная из темно-красного кирпича, покрыта пятнами серого лишайника. Мощное основание утопало в пожухлой траве. На полукруглом своде – как раз над замковым камнем – притулилось маленькое деревце, выросшее из семени, занесенного сюда с соседних берез. На тонких ветках удерживался один-единственный желтый лист. Его мотало ветром, и казалось, на вершину арки забрался тощий призрак и машет всем проходящим почти бесплотной ладонью.

Хэл смотрела по сторонам с вполне понятным любопытством и легким недоумением. До сих пор она еще никогда не была в древних некрополях.

Старый храм Гермеса Психопомпа – проводника умерших – возвышался в отдалении. И точеные колонны портика спорили белизной со стройными телами берез, столпившихся вокруг здания. Несколько деревьев отбились от стайки подруг и разбрелись между могил.

Аромат прелых листьев, тумана и влажных древесных стволов сменялся холодным, стерильным запахом приближающейся зимы. В прозрачных кусочках неба, видных среди ветвей, скользили черные силуэты птиц. Вороны или галки. Здесь их всегда было много.

Хэл вопросительно взглянула на меня из-под густой каштановой челки. Я молча пошел вперед, указывая ей дорогу.

Дорожка с каждым годом становилась все более узкой, хоть ее и чистили. С приходом тепла сорные травы и одичавшие цветы наползали на нее с обеих сторон, отхватывая все новые и новые куски жизненного пространства. Сейчас, поздней осенью, они поникли, высохли, затаились до будущей весны. Среди облетевших кустов застыли мраморные обелиски. Иногда весьма внушительные. Танатос с распахнутыми крыльями. Девушка, закутанная в длинный плащ – его складки, искусно выточенные из камня, казались настоящими. Сам Гермес, ведущий за руку юношу с понурой кудрявой головой. Атлетически сложенный мужчина, опустивший факел к земле...

Моя ученица шла позади, отставая время от времени, чтобы лучше разглядеть особенно впечатляющий памятник, и снова догоняла меня, неторопливо следующего по давно знакомой тропе. Подошвы тяжелых ботинок Хэл стучали по твердой земле, свежий запах ее духов то обволакивал меня плотным облаком, то растворялся в осеннем холоде.

– Такое чувство, будто я нахожусь во сне, – прозвучал у меня за спиной ее озадаченный голос. – В твоём сне. Напоминает то самое кладбище твоего мира.

– Вполне возможно, – отозвался я, поворачивая на тропинку между двух миниатюрных мраморных ротонд с колоннами не выше человеческого роста.

В стороне, за деревьями, виднелись люди в темно-фиолетовых одеждах – тесная группа возле одного из надгробий. Тихий шелест голосов вплетался в шепот ветвей.

Еще несколько старинных памятников, смутно знакомых из прошлого, и наконец та самая береза, в одиночку замершая среди тонких осин.

Я остановился у прямой черной стелы, поднимающейся из гладкой, отполированной плиты тяжелого основания.

Опавшие листья густо осыпали обелиск и землю вокруг. Хэл наклонилась, смахнула сор с гранита и положила на него букет поздних астр.

Я смотрел на имя, выбитое в камне.

«Феликс...»

Больше ничего. Ни барельефа, ни даты рождения и смерти, ни голограммы. Рядом с плитой холмик оплывшей от времени земли, покрытый дерном, в нем обломки камней.

Она взяла меня под руку.

– Думаешь, он сделал это сам?

– Разделил свое тело сновидения и физическое тело? Не знаю, Хэл. Я до сих пор ничего о нем так и не знаю.

Мы помолчали, вслушиваясь в шум ветра. Моя спутница переступила с ноги на ногу, мне было хорошо знакомо это движение нетерпеливого любопытства.

– Послушай, Мэтт, а он... Феликс... то есть его тело... – Она посмотрела на землю у себя под ногами. – Ты говорил, что похоронил его, я как-то не придавала значения твоим словам. Он что, лежит там? Внизу?

– Ищи меня шестью футами ниже, – произнес я задумчиво и ответил на ее вопрос: – Да. Хэл покосилась на меня недоверчиво:

– Значит, это не просто символическое надгробие?

– Нет.

– То есть его тело не сожгли?

– Нет.

– Но почему?!

– Он просил меня незадолго до смерти не превращать его в пепел.

Ее пальцы сильнее сжали мой рукав.

– Послушай, а вдруг его тело сновидения, Феникс, существует только потому, что физическая оболочка... она не... – Хэл осеклась под моим взглядом.

– Думаешь, я похоронил его живым? И все это время он пролежал в коме?

– Нет, – смутилась ученица, – это невозможно, знаю. Просто... вдруг там... – Хэл установилась на плиту, засыпанную листьями, с жадным любопытством и понизила голос: – Лежит вовсе не он. А Феликс скрывается где-то. Ты же сам говорил, тело сновидения не может существовать без физического тела.

– Не может, – подтвердил я.

– Значит, Феникс не должен выжить, когда умер основной носитель информации, личности. И потом любимая песня твоего учителя. «Ищи меня шестью футами ниже», она ведь про захоронение. – Хэл разворошила носком ботинка желтые опавшие листья на земле. – Может быть, это ключ, подсказка.

– Хочешь предложить откопать тело? Проверить? Возьмем пару лопат, вернемся ночью...

– Нет, – поспешила возразить она, передернула плечами и чуть отстранилась, выпуская мой рукав. – Конечно нет.

Богатое воображение ученицы мгновенно нарисовало перед ней чрезвычайно яркую и до отвращения правдоподобную картину.

– Я всего лишь пытаюсь понять.

Я тоже пытался его понять. И результат моих размышлений был весьма удручающим. Феликс заложил в мое подсознание приказ уехать, не выходить в мир снов, объясняя это тем, что хотел защитить. Я не удивлюсь, если на перековку отправил меня тоже он.

Нет ничего хуже, чем неуверенность в своих решениях. Впору погружаться в собственный мир снов, чтобы выискивать крючки многолетней давности. Глубоко запрятанные и замаскированные невинными символами.

– Доброе утро, – прозвучал рядом негромкий, глуховатый голос.

Мы с Хэл одновременно оглянулись. У соседнего памятника стояла немолодая женщина в темно-фиолетовом плаще, ее волосы покрывал платок такого же густого траурного цвета. На бледную щеку падала легкая седая прядь. На руках тонкие перчатки.

Я узнал ее. Та сама гостья, которая просила помочь смертельно больному мужу. Избавить его от страданий. Убить во сне. Милосердно и быстро. Я не помог ей и запретил вмешиваться Хэл.

Я бы на месте этой женщины не подошел здороваться с теми, кто отказал ее самому близкому человеку в легкой смерти.

– Доброе утро! – воскликнула Хэл радостно. – Как ты, Альба?

Ученица шагнула вперед и, к моему удивлению, обняла недавнюю гостью. Та с теплой улыбкой ответила на объятия девушки, мягко сжав ее плечи ладонями в фиолетовых перчатках.

– Все в порядке. Теперь уже все хорошо.

– А твой сын? Перешел на новую работу?

Они беседовали словно хорошие знакомые. Обсуждая родственников, погоду и бытовые мелочи. Меня всегда радовала коммуникабельность Хэл, но теперь вызывало недоумение, когда она успела узнать столько всего о постороннем в общем-то человеке.

– Сначала я не хотела вас беспокоить. Вы пришли к кому-то. – Женщина мельком взглянула на памятник. Однако имя на нем вряд ли что-то сказало ей. – Но решила все же поздороваться.

– Правильно сделала, – откликнулась Хэл. – Мы рады повидаться с тобой.

Та снова улыбнулась, посмотрела на меня. Доверие в ее глазах было предназначено и мне.

– Я обратилась в центр, как вы и советовали, целер. Для моего мужа создали сон. Очень хороший. Я видела. А в конце он ушел. Счастливый. Спокойный.

– Я рад.

– И это сновидение абсолютно ничего нам не стоило. Мне сказали, Полис дарит последний сон тому, кто в нем нуждается.

– Да, – кивнул я.

Женщина помолчала, скользнула взглядом по моему лицу и произнесла вежливо:

– Ну, не буду вас больше отвлекать.

Попрощалась и ушла.

– Когда ты успела с ней подружиться? – спросил я, глядя, как темный силуэт плывет между памятниками.

Ученица беззаботно пожала плечами.

– Просто позвонила пару раз. Узнала, как у нее дела. Посочувствовала. А что?

Я молча покачал головой, глядя на имя, выбитое в камне. Феликс также учил меня быть открытым, общительным, вежливым и внимательным.

«Любой заглянет в распахнутую дверь, но увидит лишь то, что ты захочешь показать. Запертая – вызывает неумное любопытство. Когда ее вскроют, найдут даже те тайны, которых за ней нет», – говорил он.

Хэл тронула мою руку, возвращая меня к реальности.

– Ну что, домой?

Было видно, ей стало неуютно здесь. И холодно. Кончик носа покраснел, лицо выглядело бледнее обычного. Каштановые завитки волос, придавленные капюшоном, распрямились, жемчужно-серые глаза под цвет осеннего неба задумчивые и тревожные.

– Идем. Нас ждет работа.

Хэл прекрасно знала, о какой работе речь. Задание Тайгера. Вмешательство давнего врага Феликса, а теперь и моего, сбilo все планы.

Едва мы вырвались из плена Альбиноса, зазвонил коммуникатор Хэл. Имя абонента – лекарь дэймосов. В первый миг нам обоим показалось, что мы еще не вышли из сна. Или сам кошмар выполз следом за нами в реальность.

Я ответил на звонок. Провел по сенсорной панели, принимая вызов, поднес плоский, прохладный корпус к уху. На той стороне безмолвствовала тишина. Бездонная, бесконечно длящаяся, затягивающая. Она оборвалась короткими, захлебывающимися гудками.

– Что? – тут же спросила Хэл, наблюдающая за мной.

– Ничего. Проверка связи.

Тайгер прав: никогда нельзя быть уверенным в смерти дэймоса. Появление Альбиноса – великолепное подтверждение этому.

Я был убежден, какое-то время звонков больше не будет. Ученица еще полчаса настороженно посматривала на коммуникатор, затем носила с собой по дому. Но, как я и предполагал, нас пока оставили в покое...

Хэл взяла меня под руку, деликатно подталкивая к выходу с кладбища на тот случай, если вдруг я решил задержаться здесь еще.

Я свернул на едва заметную тропинку, тянущуюся между древних памятников, и зашагал быстрее. Пара минут, и мы уже спускались с холма, где среди деревьев и высокой травы скрывались могильные плиты. У его подножия изгибалась дорога, дома на другой стороне – старинные особняки с каменными фасадами – аутентично вписывались в серый осенний пейзаж.

– Слушай, Мэтт, – сказала Хэл, когда мы шли по улице, спускающейся к реке. – Я пыталась узнать, кто все-таки был учителем Феликса.

– Ну?

– Я подумала, что если дом перешел к твоему наставнику по наследству, должны остаться документы о владении в архивах.

– И что?

– И ничего. Все бумаги сгорели.

– Ничуть не удивлен.

– У них есть данные только за последние двадцать лет. А там указано лишь твое имя, даже Феликс не упомянут.

Мы вышли к реке. Песчаный пляж был пустым и холодным. Моя лодка, вытасченная на песок, напоминала одинокого водного зверя, выбравшегося на берег. Мотор как вскинутый хвостовой плавник, бока – зеленые продольные пластины чешуи. Краска кое-где облупилась. Надо подновить.

– Еще я побродила по местному форуму. – Хэл перешагнула через невысокий борт и опустилась на узкую скамью, пока я вытаскивал из земли длинный штырь, служащий якорем-палом, и собирал гремющую цепь. – Пообщалась с народом. Говорят, во времена юности твоего учителя на этой стороне даже домов не было. Лишь полуразвалившийся остов мельницы на берегу.

– Да. Знаю. – Я столкнул лодку, на ходу запрыгнул в нее. – Феликс рассказывал.

И я мог себе легко представить. Пологий склон, поросший низким кустарником. Одиночные деревья. На поляне, за стройными лиственницами развалины, затянутые паутиной трав. Темно-красный кирпич ярко выделяется среди буйства крапивы. Давным-давно глину для него добывали в карьере неподалеку от того самого кладбища, где мы побывали сегодня.

Дом Феликса возведен на мощном фундаменте, оставшемся от древней мельницы. Идеальное место для жилища дэймоса.

Я поднял весло, сделал несколько гребков, направляя лодку на глубину, затем положил его на дно, завел мотор и сел на корму. «Зефир» заурчал на малых оборотах и послушно повез нас на другую сторону реки, где находилось наше убежище.

– Такое чувство, будто ты занимался этим всю жизнь, – с легкой улыбкой сказала Хэл, наблюдая за мной.

– Нет, только одну четвертую.

Темные леса по берегам напоминали длинную зазубренную корону. Далекие острые зубцы елей отливали темно-синим, редкая рябь сминала их черные отражения.

Хэл наклонилась, опустила руку за борт и тут же отдернула, подышала на побелевшие пальцы. Вода была ледяной.

Я слегка повернул румпель, заставляя лодку огибать остров. Он всегда был здесь. Одиноким часовым посреди реки. Ветви густого раkitника торчали над полузатопленной полоской земли растрепанной щеткой.

На середине реки Хэл плотнее закуталась в куртку и сунула руки в рукава.

Я невольно вспомнил.

Феликс сидит там же, где сейчас я. Серая бандана низко надвинута на лоб, желтые глаза прищурены. Одна рука лежит на рифленном румпеле, другая на колене.

Я смотрю вперед. Скорость небольшая, но достаточная для того, чтобы холодный речной ветер раздувал волосы, а в лицо летели мелкие брызги. Нос лодки с силой пропахивал глубокую борозду в воде, разрезая ее на два белых пенных крыла.

Время от времени я оглядывался, и учитель усмехался довольно, видя мой детский восторг.

Далекое воспоминание сменилось недавним яростным образом. Гневное, оскаленное лицо, пальцы, сжимающие мое горло. «Зачем ты полез в сон?!!»

– Мэтт, – голос Хэл из настоящего, веселый, живой, теплый, вернул меня в реальность. – А что там? – Она махнула рукой, указывая вверх по реке.

– Несколько поселков. Высокие, песчаные обрывистые берега. Лес. Потом русло разделяется на два – старое и новое. Одно очень глубокое, с сильным течением, на втором много заводей, ивы склоняются над самой водой и нужно проплывать под ними, приподнимая ветви, как занавес, видно песчаное желтое дно... Очень красиво.

– Интересно, увижу ли я это когда-нибудь, – произнесла Хэл задумчиво.

– Увидишь. Если не в реальности, то в моем мире снов. Там есть очень похожий фрагмент.

Дома было прохладно. Старые генераторы едва справлялись с нагрузкой. Хэл натянула мой свитер, обернула ноги пледом, сидя на диване в гостиной, и грела ладони о чашку с чаем. Сейчас моя смелая, дерзкая гурия выглядела маленькой и ранимой. Каштановые растрепанные волосы сливались цветом с темными обоями, тело утопили под собой тяжелые шерстяные складки, из широких рукавов выглядывали тонкие белые руки, сжимающие мою чашку. Бледное лицо как страница из альбома с черно-белым рисунком, приколотым на стену за ее спиной.

Казалось, она растворяется в этом доме, полностью принимая его правила игры, больше не сопротивляясь, не пытаясь его переделать.

А еще Хэл изо всех сил оттягивала момент выхода в сон, придумывая одну за другой причины побыть еще в реальности. Согреться, выпить горячего, посмотреть новости, обсудить наши действия в мире сновидений и вот теперь впала в глубокую задумчивость.

Я присел на край стола, взял сахар из вазочки, прицелился и бросил его, метя в чашку глубоко ушедшей в себя Хэл. Попал. Она вздрогнула, когда белый пиленый кусочек булькнул, погружаясь в чай, вскинула на меня удивленный взгляд.

– Не засыпай, – сказал я ей. – Еще не время.

Наваждение рассеялось. Ученица больше не выглядела заторможенной, бледной тенью себя самой. В светло-серых глазах блеснул азарт, она огляделась в поисках того, чем бы кинуть в ответ. Не нашла и рассмеялась.

– Ладно, поняла. Я в порядке.

– Мне показалось или ты пыталась избежать неизбежного?

– Нет, но... Я не боюсь... – Хэл постукивала ложкой о края чашки, вылавливая сахар. – То есть я ненавижу чувство страха. Когда я боюсь чего-то, иду и делаю это, чтобы изжить его. Всегда. Но сейчас... Феникс говорил, ты не должен выходить в мир снов.

Она вопросительно приподняла брови.

– Я не могу не делать этого. Я не могу пойти против своей сути. Это моя работа, мое призвание, моя жизнь. Также как и твои.

– А если нас опять попытаются убить, или захватить в плен, или еще что-нибудь...

– Нас всегда будут пытаться убить. Какая разница когда – сегодня или завтра.

Она помолчала, глядя в чашку, затем начала решительно выбираться из-под пледа.

– Ладно, идем, сделаем это.

Открывая нижний ящик шкафа, чтобы забрать трофей, найденный в сейфе, я слышал, как она бормочет, удаляясь: «И что будет на этот раз? Пустыня? Океан? Древние руины? А может, дикий лес?»

Небрежный сверток лежал на листе бумаги, где я зарисовал послание, которое передали через сон. Еще одна загадка.

Когда я вошел в спальню, Хэл уже лежала, вытянувшись на кровати, и смотрела в потолок.

– Если это опять будет Бангкок... – произнесла ученица с вполне понятным ожесточением.

– Было бы неплохо, – отозвался я, укладываясь рядом с ней. – Я хотя бы ориентируюсь в этом городе.

Она усмехнулась невесело, удобнее устраиваясь на покрывале.

Я разорвал серую от времени бумагу, и мне на ладонь лег обрывок человеческой плоти. Мужское ухо, отрезанное давным-давно, было похоже на иссохший комочек пергамента.

Я сомкнул пальцы вокруг трофея и откинулся на подушку. Хэл прижалась ко мне, потянула плед, укрывая нас обоих.

Волшебное слово «вокруг» почти одновременно погрузило нас в темноту.

Длинный переход. Падение. Медленное, долгое. Затем краткий миг беспомощности, без чувств, желаний, мыслей. И наконец полное осознание себя. Ошеломительное и оглушающее.

Я лежал на чем-то твердом, холодном... гладком. В один бок упиралась такая же жесткая преграда. К другому прижималось горячее, упругое тело в плотном коконе одежды. Хэл... Ее дыхание звучало тяжело и громко. Рука закинута мне на плечо, колено на бедро.

Я открыл глаза и ничего не увидел. Чернота окружала меня со всех сторон. Плотная, вязкая, без единого проблеска. Я вглядывался в нее, напрягая зрение, но не мог уловить ни далекого холодного сияния звезд, ни теплого подрагивания огоньков человеческого жилья, ни бликов на стекле. Ничего. Меня окружало черное безмолвие.

Хэл пошевелилась. К привычному запаху свежести ее духов примешивалось еще что-то знакомое, тревожащее, тягостное.

– Где мы? – произнесла она слегка невнятно. – Так темно...

Я протянул руку, и ладонь уперлась в прочную преграду над головой. Грубое, плохо обработанное дерево. Мир сузился. Сомкнулся вокруг меня. Острый, холодный, едкий запах, который ни с чем не спутаешь. Тьма, пропитанная им, легла на грудь многотонной глыбой.

«Дыши, – приказал я себе. – Просто дыши».

– Мэтт, – прозвучал над ухом голос Хэл. – Ты меня слышишь?

«Помнишь, ты хотела знать, чего я боюсь?»

Она завопилась рядом, шелестя одеждой, попыталась приподняться. Последовал гулкий удар и недовольный возглас.

– Так тесно...

«Вот этого. Узкое, тесное, замкнутое пространство. Быть похороненным заживо».

– Коробка... Нет, ящик. Закрыто. Но если постараться...

Она повернулась, прижалась ко мне спиной, я почувствовал, как напряглись все ее мышцы – видимо, уперлась обеими руками, надавила.

– Бесполезно. – Мой голос прозвучал глухо и сдавленно.

– Что? – Хэл перевела дыхание, сбившееся после физического усилия. – Почему?

– Ищи меня шестью футами ниже, – прошептал я очень тихо, и, конечно, ученица услышала.

– О чем ты?

– Мы в гробу, Хэл. А над нами шесть футов земли.

Она замерла, застыла, окаменела. Даже перестала дышать. Я ожидал крика, ужаса, смятения. И был готов сжать изо всех сил это тело, когда оно начнет биться о доски в слепой панике, но моя гурия резко выдохнула и произнесла сквозь зубы:

– Почему мы здесь?... Океан, пустыня, развалины древних храмов... – Она усмехнулась. Или всхлипнула. – Почему нас похоронили?

– Не знаю.

– Может быть, он мертв? Тот, в чей сон мы попали. – Частое дыхание срывалось с ее губ вместе с торопливыми словами, обжигая мою кожу.

– Нет.

Она молчала мгновение, собираясь с силами, затем произнесла решительно:

– Ладно. Не бывает снов без выхода. Нужен свет.

Мне в бок уперся острый локоть. Лоб задела жесткие кружева, скользкая ткань по щеке, прядь волос зацепили грани пуговиц, и в темноте появился тонкий зеленоватый круг с рядом цифр по внешнему краю. Он осветил сосредоточенное лицо Хэл с закушенной губой, пышные волосы, уложенные в странную, сложную прическу, были совсем светлыми, словно присыпанными мукой, тугой воротник сжимал горло. Ее глаза казались черными из-за расширенных зрачков, кожа бледной, и только на скулах лихорадочно алели два пятна.

– Мэтт, но ты ведь вытащишь нас? Ты можешь нас вытащить?

Дышать становилось труднее. Тело покрывалось потом. Тугой обруч сжимал голову. Запах сырой земли забивал ноздри.

– Мы должны что-то сделать. Иначе задохнемся... Мэтт... Ты слышишь меня?!.. Аметист!

Звук моего истинного имени уколол, выводя из удушающей пустоты, а вместе с ним я уловил еще что-то.

– Тише, Хэл.

Я мог ошибиться, но знал, что не ошибаюсь.

Спустя еще одну невыносимо долгую секунду в густой тишине прозвучал скрежет... шуршание... стук.

– Слышишь?

Она снова застыла, крепко стиснув мое запястье.

– Да. Слышу. Что это?

– Нас откапывают. Лежи тихо. И не шевелись, что бы ни происходило.

Хэл погасила свет. Вновь прильнула ко мне. Что-то жесткое в ее волосах царапало мне подбородок и отдавало пылью при каждом вдохе.

Звук сверху повторился. Теперь стало ясно различимо – две лопаты вгрызались в землю, скребли по камням, ссыпали песок.

Ожидание становилось терпимым, когда появился смысл ждать. Сердце Хэл, прижимающейся ко мне, стучало часто и тревожно.

Наконец железо ударилось о дерево, послышались резкие мужские голоса. Невнятная перебранка.

Я сжал плечо Хэл, и ее вновь напрягшееся было тело расслабилось.

Заскрежетали гвозди, с трудом выходящие из пазов. Повеяло упоительным ночным воздухом, в котором смешивался запах жирной, разрытой земли, перегара и далекой зеленой листвы. В лицо ударил свет.

– Гляди, двое, – прозвучало над нами хрипло, сменяясь надсадным кашлем.

– Ну, видно, зарезал обоих, – отозвался лениво второй гробокопатель. – И уложил вместе.

– У девки браслет. Золото. И камни. Дай фонарь.

Белый свет ударил мне в лицо. Минимальное, едва ощутимое воздействие, и рука выкопавшего нас дернулась. Послышалось ругательство, звон разбитого о камень стекла, потянуло горячим запахом разлитого масла.

– Дуй за запасным! – рявкнул второй голос. – Я здесь в темноте шариться не собираюсь.

– Да как ты потом это место найдешь?

– Тут и других полно. Ну, пошевеливайся!

Тяжелые шаги протопали по краю ямы, тонкой струйкой посыпалась земля, забарабанив по нашей одежде. И через несколько секунд все стихло.

– Вставай. – Я открыл глаза и подтолкнул Хэл.

Она проворно вскочила и тут же пошатнулась, хватаясь за меня. Тусклый свет узкого серпа луны облил ее с головы до ног. Мне хватило одного беглого взгляда, чтобы понять – более нелепого одеяния я в жизни не видел. Многослойная черная юбка топорщилась кружевными оборками, туго стянутая талия, пышные рукава пузыряются на плечах, а от локтя до кисти плотно обхватывают руки, воротник широким ошейником подпирал подбородок. Но при этом в откровенном вырезе видна полуобнаженная грудь в ореоле мелких кружев – ослепительно-белая кожа в контрасте с темной тканью.

– На себя посмотри, – фыркнула Хэл в ответ на мой насмешливый взгляд, оперлась обеими руками о край ямы и, ловко подпрыгнув, уселась боком. Перед моими глазами мелькнули две стройные ноги в тонких кружевных чулках с тряпичными розами на резинках. Затем ученица выпрямилась во весь рост, оглядываясь.

Я следом за ней выбрался из могилы. Таинственный недоброжелатель не стал утруждаться и закапывать нас глубоко. Сейчас на открытом пространстве все недавние тягостные предчувствия рассеялись, страх ушел, уполз под землю и затаился там. Я снова чувствовал себя свободным.

Вокруг простиралось бесконечное поле, изрытое ямами. Кое-где мелькали тусклые огоньки, слышался приглушенный скрежет лопат. Черными монолитами возвышались памятники. Покосившиеся, относительно новые и совсем древние.

По небу медленно скользили длинные облака, словно невидимый атлант тянул на себя полосы грубой серой ткани, а те никак не заканчивались. Вдали виднелось здание, но разглядеть, что оно собой представляет, пока было невозможно.

– Где мы? – тихо спросила Хэл.

– Мир дэймоса. А это его кладбище.

Я стянул шейный платок, затянутый на горле шелковой удавкой, и бросил его в яму.

– Это были химеры? Те, кто выкопали нас? – Ученица наклонилась и оборвала нижний волан на юбке, затем без жалости избавилась от гротескных рукавов.

– Да. Конечно. – Я сбросил узкое пальто из черной шерстяной ткани, сковывающее движения, за ним пиджак, жилет.

– Когда они вернутся и не найдут нас, то что? – Хэл выдрала из волос тонкую вуаль, встрясла горсть шпилек.

– Решат, ошиблись местом. Или нас забрали другие. – Я расстегнул верхнюю пуговицу темной рубашки, снял запонки, закатал рукава и понял, что наконец могу нормально дышать.

– Другие?

Я указал на огни, плавающие в темноте.

– Они тоже выкапывают тела? – Моя гурия внимательно наблюдала за этими тусклыми светляками, но ни один из них пока не двигался в нашу сторону.

– Похоже на то. – Я подал ей руку и повел за собой, прочь от разрытой ямы.

В своем растерзанном одеянии, с взлохмаченными светлыми волосами Хэл напоминала растрепанную куклу, которую достали из пыльной коробки.

– Зачем?!

– У меня две версии. Первая. Дэймос, которому принадлежит это кладбище, решил исправить ошибки прошлого. Поэтому теперь могилы-метки стираются из его мира.

– У тебя тоже бродили калибаны, убирающие следы былых преступлений? – Она остановилась, крепко держась за мою руку, сняла неудобные туфли, отбросила в сторону и дальше пошла босиком.

– Нет. Летали куреты с лавровыми ветвями.

Ученица покосилась на меня, совершенно справедливо не поверив ни единому слову, но не стала комментировать. Прекрасная особенность, которая мне очень нравилась в ней, – не вытягивать ответы, когда собеседник действительно не хочет отвечать.

– Теперь тише и осторожнее.

Мы приблизились к ряду памятников, возле которых бродили химеры. Те были слишком заняты, чтобы обращать внимание на две тени, скользящие между каменных монолитов, но я предпочитал не рисковать. Приходилось двигаться крадучись, стараясь не попадать в полосы лунного света, укрываясь за надгробиями. Летел песок с лопат, поблескивали остро заточенные заступы, с глухим стуком падали обелиски, вывернутые из земли. Кто бы ни был таинственный дэймос, его кладбище подвергалось основательной уборке.

Совсем рядом, громко сопя и переругиваясь вполголоса, протопали два мужчины, несущие длинный продолговатый сверток.

Хэл содрогнулась невольно и прошептала, глядя в согнутые спины химер:

– Может, разгонишь их всех отсюда?

– Достаточно воздействий для этого сна. Не хочу, чтобы нас почуяли раньше времени.

– Думаешь, он скоро поймет, что мы здесь?

– Не знаю.

– Не удивлюсь, что нас занесло именно в такой мир сна только потому, что мы ходили на кладбище к Феликсу, – произнесла ученица тихо. – Игра подсознания.

– Ну да, – отозвался я глубокомысленно. – А на самом деле нас окружают дивные рощи и танцующие нимфы.

Моя гурия хмыкнула насмешливо и вновь промолчала.

Гробокопатели удалились на достаточное расстояние, и мы двинулись дальше. Ноги Хэл по щиколотку проваливались в мягкую землю, и очень скоро ее белые чулки стали черными.

Здесь стояли относительно новые памятники, и мне совсем не понравилось, как они выглядят. Это были фигуры людей, выточенные из камня. Гранитные, блестящие, как будто облитые маслом, все с одинаковой маской страдания на лице. Разинутые в безмолвном крике рты, выкаченные глаза, натянутые жилы на шеях.

– Вторая версия того, что здесь происходит? – тихий голос Хэл прозвучал немного смазанно. Ее тоже напрягали эти символы страдания и смерти.

– Помнишь разговор с Альбиносом?

– Да уж, не скоро забуду.

– Могилы из мира учителя могут переходить к ученику или наоборот. Похоже, здесь происходит именно это. Он или она переносит кладбище... Перекидывает свои метки другому сновидящему.

– Замечает следы, – предположила Хэл.

– Вполне возможно.

Мы замолчали, пропуская еще одного гробокопателя. Тот брел между надгробиями, бормоча что-то под нос, через каждый шаг плевал себе под ноги и сморкался.

Впереди, за памятниками, сбившимися в кучу, показалось громоздкое здание. В темноте оно выглядело сплюснутым и растянутым одновременно. Как будто кто-то распылил узкие окна вместе с наличниками и стеклами, заточил до бритвенной остроты башни на крыше и раскатал в тонкий каменный пласт два боковых крыла.

К длинному крыльцу вела дорога. Когда-то широкая и нарядная, теперь она тонула в грязи, по обочинам обломанными черными зубами торчали разбитые пьедесталы статуй. Давно иссохшие кусты и деревья с измочаленными сучьями, кривясь, пытались выволочь из земли такие же мертвые корни.

Хэл продолжала в молчании следовать за мной, но по ее дыханию, неровному и шумному, я понимал – ученицу тревожит и в то же время озадачивает это место.

Неспокойное кладбище осталось позади, теперь мы шли открыто, с каждым шагом приближаясь к странной вилле. А может быть, та сама двигалась нам навстречу, покачиваясь от нетерпения, готовая быстрее проглотить двух путников широко разинутой глоткой двери и перемолоть острейшими зубами битых стекол, торчащих из оконных проемов.

Один шаг – и здание заслоняет собой треть неба, второй – крыша нависает над головой, третий – под ноги бросается первая ступенька лестницы. Повеяло гнилью, сыростью камня, изъеденного лишайником, и трухлявым деревом. Дом выдохнул, прежде чем втянуть в себя наш запах.

– Может, нам не стоит так победно вышагивать здесь? – тихо спросила Хэл, глядя исподлобья на затаившееся здание. – Обошли бы по краю... и... нам обязательно надо заходить?

Я отрицательно покачал головой на первый вопрос, кивнул на второй и начал подниматься по лестнице.

– А если он сейчас там? Сидит и ждет нас? Что будешь делать?

– Поздороваясь.

Хэл неопределенно хмыкнула, то ли осуждая мою легкомысленную неосторожность, то ли, напротив, одобряя готовность к решительным действиям.

За монументальной дверью широко распахивался огромный, холодный, мрачный холл. Луна неплохо освещала его. Бросив взгляд вверх, я увидел круглую дыру в далеком потолке, сквозь нее просачивались внутрь рассеянные холодные лучи и падали редкие сухие листья, или дохлые ночные бабочки – издали не разобрать. Эти бледные ошметки устилали колоссальную лестницу, напоминающую величественную реку. Она брала начало с галереи, опоясывающей холл на уровне второго этажа, там два темных потока ступеней изгибались, чтобы слиться в единый каменный водопад перед нами.

Под ногами скрежетали и прогибались доски гниющего пола, под ними хлюпала вода, выплескиваясь сквозь дыры и трещины грязными фонтанчиками. Ступая по ним, Хэл пожалела, похоже, что поспешила избавиться от обуви.

Облупленная штукатурка покрылась плесенью и трещинами, мебель сгнила, напоминая о себе кучами трухлявых досок, истлевших обрывков ткани и черных обломков серебра.

На стенах висели портреты в тяжелых, громоздких рамах. Вернее, портрет. Одного человека. Черноволосый юноша с тонкими чертами. Одет он был точно так же, как я совсем недавно, вычурно и неудобно. Бледный, хрупкий, с изломанной линией бровей и узкими губами. Было в нем нечто отталкивающее, несмотря на внешнюю привлекательность. Чахлое, искаженное, гротескное, как и весь этот больной мир. То же самое неприятное ощущение пронизывало одежду и украшения, от которых мы с Хэл поспешили избавиться.

На первом портрете молодой человек позировал у столика, заставленного скрученными стеклянными сосудами, в другом любовался розами, в третьем сочинял стихи, четвертом – играл с собакой, на пятом читал книгу...

Мы проходили мимо, и казалось, темные блестящие глаза с десятков полотен внимательно следят за нами.

– Единственное уцелевшее здесь – картины. – Хэл рассматривала изображения, переходя от одного к другому, и, судя по скептическому выражению ее лица, увиденное не слишком вдохновляло мою ученицу.

– Это не картины, – отозвался я.

– Что же тогда?

– Зеркала.

Она стремительно оглянулась, ожидая увидеть прямо у себя за спиной столик на фоне портьеры или фрагмент цветущего сада, но там были прежняя рухлядь и запустение. В недоумении Хэл повернулась ко мне, и тогда я произнес громко:

– Может, пришло наконец время поздороваться с гостями?

– Гости вряд ли нуждаются в моем приветствии, – прозвучал в ответ мягкий, тягучий голос с едва заметным утомленным придыханием.

Хэл уставилась на ближайшее зеркало, откуда прямо на меня смотрел черноволосый юноша с книгой в руках. Не застывший портрет, а вполне живой человек. Он криво улыбался, и его нервные пальцы мяли обложку тонкой книги.

– Так это он?! – спросила моя гурия изумленно. – Дэймос, которого мы ищем?

– Приятно, когда о тебе вспоминают. Пусть даже поздно. – Он рассматривал меня не отрываясь, жадно и в то же время трусливо, пытаясь скрыть страх за высокомерием. – Я тебя не знаю. Ты ученик старого Нестора?

Хэл рядом со мной затаила дыхание, тут же ухватившись за первую ниточку полученной информации.

– Имеет значение, кто мой учитель? – осведомился я небрежно.

– У тебя моя вещь. Часть моего тела, если быть абсолютно точным. – Его пальцы продолжали терзать книгу, надрывая страницы, но он этого даже не замечал. – Справедливо, если я задам несколько вопросов, не находишь?

– Задавай. Отвечать или нет – мое право.

– Разумно, – процедил дэймос неохотно. – Как я могу к тебе обращаться?

– Мэтт.

– И...?

– И все. Просто Мэтт.

– Скажи мне, Мэтт, ты пришел, чтобы... Зачем ты пришел? – В его голосе звучали жгучая надежда и все тот же страх. Он боялся услышать мой ответ и одновременно страстно желал узнать правду.

Я молчал. Со стороны могло показаться, будто я наслаждаюсь своим положением, намеренно затягивая объяснение.

– Что происходит на твоём кладбище? – вмешалась Хэл, которой надоела роль безмолвной куклы.

Он не удостоил ее даже взглядом, нацелив все свое внимание целиком на меня.

– Зачем химеры выкапывают трупы? – продолжила она невозмутимо, но я видел – ее задает надменное равнодушие пленника. – Планируешь бегство? Или решил исправить ошибки прошлого?

Дэймос дернулся, словно его ужалили, разорвал книгу пополам, отшвырнул прочь, а его голос завибрировал, наполняясь неожиданной силой.

– Я умираю! – кричал он, захлебываясь. – Глупая девка!! Не видишь, что я умираю?! Я размазан по этому гнилому дому, а зеркала бьются!! Когда разбивается следующее, я знаю – прошел еще год. И вместе с ними откололась часть меня – моего разума, жизни, памяти! И у тебя хватает наглости говорить о бегстве?!

Он запнулся, тяжело дыша. В зале повисла звенящая тишина.

– Полегчало? – холодно осведомилась Хэл, отстраненно наблюдая за беспомощной злостью пленника.

Дэймос рывкнул в ответ что-то нечленораздельно-грубое, запустил пальцы в черные волосы, растрепав гладкую, прилизанную прическу с косым пробором. Глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться, и спросил:

– Ты пришел для того, чтобы вытащить меня, Мэтт?

Прежний наигранно-утомленный тон плохо давался ему.

– Где находится твое физическое тело?

– Александрия, – произнес он с заносчивой небрежностью. – Трехэтажный особняк на берегу Нейлоса. В данный момент сижу в дорогом инвалидном кресле на мраморном балконе. Дряхлая, трясущаяся, полубезумная развалина с гниющим мозгом, в шелковых одеждах, с лысой головой, покрытой коричневыми старческими пятнами, вялым, перекошенным ртом, из которого постоянно течет слюна, высохшими скрюченными ступнями в роскошных, мягких туфлях. Воняющий разложением, мочой и смертью.

Хэл отвернулась, сделав вид, что ее заинтересовал полет мотыльков, устало шелестящих хрупкими крылышками. Острое, неуместное сострадание к дэймосу – вот что она чувствовала сейчас.

– Освободиться не пробовал? – спросил я.

– Я занимался этим много лет, – ответил он с надменной холодностью. – Но Нестор очень сильный танатос. Этот дом был от крыши до потолка в зеркалах, где отражалась вся моя жизнь. Но даже в те времена я не мог вырваться.

– Я могу помочь тебе, – сказал я, глядя на пленника.

– Как?! – Он рассмеялся, тихо и сдавленно, почти не разжимая губ.

– Разобью зеркала. Все. Сразу. Оборву затянувшуюся пытку.

Хэл повернулась ко мне, я почувствовал на себе ее горящий, недоумевающий взгляд. Она твердо запомнила урок – мастера снов не убивают людей. Никогда. Ни при каких условиях. Единственная наша задача в подобной ситуации – разведать обстановку: поставить диагноз. А затем дожидаться специалистов. Но опасения ученицы были напрасны. Реакция от пленника последовала вполне предсказуемая.

Дэймос поднес ко рту дрожащую руку, прикусил ноготь на большом пальце и уставился на меня с ненавистью и ужасом.

– Нет! Не смей! Ты не можешь!! Я хочу жить!

– Разве это жизнь, то, о чем ты рассказывал. Мучительное, унижительное угасание.

– Пусть! Хоть так. Лучше, чем совсем ничего. Не убивай, умоляю!

Кем бы ни был загадочный Нестор, он создал для своего врага идеальную тюрьму. Освободиться тот не может, а разбить зеркала никогда не решится, потому что боится смерти. Он был готов цепляться за свое полумертвое тело в реальности, лишь бы выпарапать себе еще пару лет существования, относительно напоминающего жизнь.

– Что ты хочешь взамен? – похоже, еще немного, и дэймос упадет передо мной на колени.

Хэл передернуло от отвращения. Никогда раньше она не видела человека, который ставит себя в столь унижительное положение.

– Ответь на мои вопросы.

– Спрашивай, – сказал он с торопливой готовностью.

– Кто ты?

– Я? – Дэймос дернул плечом, приподнял брови, словно не понимая, как я могу не знать, и произнес невозмутимо: – Логос.

Контраст с прежним перепуганным, жалким пленником был разительным. Казалось, передо мной стоит совсем другой человек. Властный, заносчивый, с презрением относящийся к простым сновидящим, оказавшимся в поле его зрения.

«Логос», – повторил я про себя. Это имя в древней философии обозначало неизменную, неумолимую закономерность бытия. Человек, запертый в квадрате резной рамы, считал себя олицетворением закона нашего мира.

– Логос, – произнесла Хэл задумчиво, ее одолевали те же мысли, что и меня. – Это значит «слово», «мысль»?

– Для примитивного сознания. – Дэймос улыбнулся мне тонко и многозначительно. – Я тот, кто дает названия вещам и вызывает их тем самым из небытия.

Моя гурия переступила по мокрым доскам, забыв о грязной ледяной воде, заливающей ее ступни в изодранных чулках, подалась вперед, ближе к фанатично сверкающему глазами пленнику, чтобы не пропустить ничего из сказанного им.

– Я смысл всех вещей. Я провидение. Я высший Промысел. Я – Бог.

– Кто, прости? – переспросила Хэл, ошеломленная таким поворотом.

– Бог, – повторил тот сдержанно. – Один из немногих, кто управляет миром. Избранный. Но мне, к сожалению, не повезло. На моем месте мог оказаться другой. И тогда я насылал бы болезни на тех, кто не желает смириться и признать истинность веры в нас, и лечил того, кто готов склониться...

– Слушай, какой-то бред, – шепнула мне в ухо Хэл, приподнявшись на цыпочки. – Видно, он свихнулся здесь в одиночестве.

– Нет, во всем этом есть смысл. – Я внимательно слушал дэймоса, ловя каждое слово. Любое из них могло стать ответом на вопросы, которые не давали мне покоя уже давно.

– В реальности меня зовут Лонгин Сотер. Мои предки из великого рода Птолемея, диадоха¹ Александра Великого, завоевателя Египтоса. Я – дэймос, как ты уже понял. Ламнос – вызывающий болезнь. Меня пленил и заковал танатос по имени Нестор. Давно. Очень... – Он прервал горделивую речь и добавил уже совсем другим тоном: – Это все, что я помню.

– Где вы с ним встретились? С Нестором.

Логос скривился, словно от сильной боли, его губы задрожали, он крепко прикусил нижнюю, вдохнул и выдохнул несколько раз, и выговорил наконец:

– Ты пришел слишком поздно. Моя память изъедена червями. Я знаю только себя.

– Заметно, – едва слышно сказала Хэл. – Только себя ты и помнишь.

– Тот, кто пленил тебя, хранил твое отрезанное ухо.

Он непроизвольно потянул руку к голове, но тут же опустил ее, обхватил себя за локти.

– Трофеей победителя.

– Как это произошло?

Логос дернул шеей, черные волосы упали на лицо, скрывая глаза. Тусклые огоньки засветились сквозь разлохмаченные пряди.

– Ты был в Полисе?

Моя надежда на то, что название этого города всколыхнет его память, не оправдалась. Дэймос молчал.

– Ты приезжал в Полис из Александрии?.. Встречался там с кем-нибудь?

Он резким, деревянным движением вскинул ладонь, провел по лицу, открывая его. На лбу вздулись вены от напряжения. Логос честно пытался вспомнить. Я видел – он действительно старался. Из всех сил, но безрезультатно.

¹ Диадок – преемник (греч.). – Здесь и далее примеч. авт.

– Тебе говорит о чем-нибудь имя Альбинос?.. Анахарсис?

Я уже понимал, что все это бесполезно, но не оставлял попыток расшевелить дэймоса.

– Ты знаешь танатоса по имени Стикс? Быть может, ламию Спиро?

Логос не отвечал, его взгляд был устремлен куда-то вперед и вниз. Я присмотрелся и понял, что заворачивает пленника. По стеклу медленно ползла трещина....Едва заметная, не толще волоса.

Хэл хотела что-то сказать, видно, ей на ум пришло еще несколько вопросов, но я схватил ее за руку, дернул в сторону, и сейчас же тюрьма дэймоса лопнула. Лавина грязных осколков, перемешанных с обломками деревянной рамы, хлынула на прогнивший пол, расплескалась грязью, стекла под доски, хлюпая и чавкая там.

Из соседнего зеркала послышался оглушительный вопль. Логос, задыхаясь, бился в новом осколке пространства, и стебли роз с хрустом ломались под его ногами.

– Я не знаю! – кричал он. – Я ничего не знаю! Не спрашивай! Я не могу вспоминать!

Боль и отчаяние исказили его лицо до неузнаваемости. Еще один фрагмент личности дэймоса был уничтожен, наши вопросы стали катализатором этой неизбежной реакции, или прошел очередной год отпущенного пленнику времени, уже не понять... Но медлить и надеяться на разумную беседу дальше не имело смысла.

Хэл отступила еще на шаг. И тут по всем портретам сразу потекли темно-бордовые потоки. Они смыли изображение собаки, опрокинули столик, обрывки бумажных листов плыли по ним ослепительно-белыми клочками, потянув за собой ткань, украшавшую задний фон одной из «картин».

– Что происходит?! – воскликнула Хэл, хватая меня за руку.

– Обширное кровоизлияние в мозг.

Липкие струи заливали лицо Логоса. Крича от ужаса, он пытался стереть их обеими руками, слепо метался из стороны в сторону, натываясь на невидимые стены.

Шансов не было. Но я все равно приблизился и осторожно коснулся стекла, направляя в точку, к которой прижимался мой палец, максимум силы. Зеркало было горячим и пульсирующим. По моей руке побежала кровь, обжигающая словно кипяток. Она лилась на пол, уходя под доски пола, и гулко клокотала там.

Зеркало стало проясняться, появилось бледное лицо Логоса. Бурные потеки исполосовали его кожу, пропитали одежду, в белых от ужаса глазах мелькнула безумная надежда.

– Целитель! – взвыл он и потянул ко мне трясущиеся руки. – Ты целитель! Вылечи! Спаси!

– Стой на месте! – рявкнул я, но дэймос не слушал.

Он схватил меня, прикосновение ледяных пальцев обожгло не хуже кипящей воды.

– Назад!

– Вытащи меня!!

– Осторожно! – воскликнула Хэл и очень вовремя присела, прикрывая голову обеими руками.

Стекла лопнули. Все оставшиеся зеркала почернели и осыпались на пол мелкой пылью.

В лицо мне полетели шматки разодранных книг, раздавленные плети роз, зазубренные стрелы осколков. Свет в зале начал меркнуть. Надвинулась тьма. Не та, предполагающая глубину ночи или лабиринт узнаваемых предметов в замкнутом пространстве комнаты, а беспросветная, черная глушь. Сознание человека гасло, мозг умирал.

– Все. Уходим! – Я схватил Хэл за предплечье и потащил за собой.

Дом начал трещать по швам, оплывать, словно мокрая глина. Беззвучно развалилась лестница, осели стены, провалилась крыша. В этом разрушении не было величественного пафоса смены декораций одного сновидения на другое. Мир, окружающий нас, исчезал безудержно и безвозвратно.

– Он умер? – спросила ученица.

– Да. У нас осталось несколько минут.

Мы выскочили на крыльцо.

Памятники рассыпались, химеры – порождение рассудка сновидящего – исчезли. Земля выплескивала на поверхность обломки давних преступлений дэймоса. Они напоминали призрачные тени, блуждающие в сумрачном мире Аида. Последние искры гаснущего разума.

Я старался запомнить образы, как можно больше. Молодая женщина с мелкими, бесцветными чертами держит за руку мальчика лет десяти. Он отдаленно похож на нее, но более яркий и выразительный. Пожилой мужчина с извилистым шрамом на щеке, юная девушка, почти девочка, с нездоровым румянцем и бледным, тонким профилем...

– Скорее, Мэтт! – теперь Хэл торопила меня.

Она бежала мимо призраков. Выбеленные волосы растрепанной кометой летели следом, оборванный подол черного платья шелестел и опутывал ноги, ступни проваливались в рыхлую землю. Но моя гурия не замечала ничего этого, спасаясь от тьмы меркнувшего сознания.

Я едва успевал цеплять взглядом – девочка на качелях, два подростка, сидящие рядом на траве. Женщина средних лет с измученным лицом и худым, костлявым телом, завернутая в темную одежду с головы до пят. Девушка в черном струящемся одеянии... все эти люди могли быть рядовыми жертвами, но, вполне возможно, кто-то из них имел важное значение. И лучше я буду помнить...

Призраки рассеялись, мгла повисла над нами каменной плитой, готовой обрушиться в любой миг и придавить обломками.

– Мэтт, куда дальше?!

Яма, из которой мы выбрались недавно, была на прежнем месте, не засыпана, не исчезла вместе с фрагментом сна. Черный, гостеприимно распахнутый провал в земле. Хэл затормозила на самом краю, взмахнула руками, удерживая равновесие, но я крикнул:

– Вниз!

И она без вопросов и сомнений прыгнула. Слетела в темноту, только мелькнули светлые волосы и белое пятно сосредоточенного лица. Прежде чем шагнуть следом за ней, я оглянулся и увидел последний силуэт на фоне мертвой безмолвной пустыни...

Глава 2

Арахна

Опыт – не пережитые ошибки прошлого, как думают многие. Это знания, которые помогут избежать ошибок.

Феликс постарался донести до меня эту мысль своими словами и действиями.

Не нужно ошибаться самому. Достаточно понаблюдать за другими. Сделать правильные выводы из их неправильных поступков.

Но сейчас я понимал, что готов сорваться с верного направления, чтобы начать разгребать последствия своих опрометчивых действий.

Мне надо в Александрию. Сегодня. Сейчас. Чем быстрее, тем лучше.

Картинка, выхваченная из недавнего сна, стояла перед глазами. Мутная ленивая река, ползущая сквозь заросли папируса. Мошки над водой, запах гнили и цветущих лотосов. Черная туша буйвола в антрацитовый грязи. Белые колонны дома, возвышающегося над Нейлосом. На балконе в кожаном кресле древнее божество из мира снов. Когда-то оно внушало ужас. Теперь мертво...

Я обосновался в гостиной и был занят отчетом для Тайгера. Подробным, четким, со всеми мелкими деталями, отступлениями и краткими зарисовками.

Хэл не сиделось на месте, она кружила вокруг меня и не могла удержаться от комментариев.

– Про химер указал?

– Угу.

– Полное имя Логоса не забудь. Может, у Тайгера есть какая-то информация. Я в Сети ничего не нашла. Ну, кроме общеизвестных фактов. Например, что Птолемей спас тяжело раненного Александра во время боя, за что получил прозвище Сотер². Отсюда и пошла их знаменитая фамилия.

– Да.

– И напиши про лекаря дэймосов. Это важно.

– Хэл, – не выдержал я наконец, поворачиваясь к ученице, – чрезвычайно высоко ценю твою помощь, но не могла бы ты заняться чем-нибудь другим? Отвлекаешь.

– Вообще-то ты забрал мой планшет, – заметила она, но больше не вмешивалась.

Достала свой дневник и задумалась над собственным рассказом о недавнем погружении, запустив пальцы в растрепанные волосы.

После бегства из разрушенного, умирающего мира Логоса мы очнулись одновременно. Некоторое время лежали не двигаясь, не думая, не анализируя. Ждали, когда привычная реальность начнет вытеснять фантасмагории сновидения. Шерстяной, щекочущий запах пледа, упругий матрас, не мягкий, не жесткий, такой как надо, душноватый теплый воздух комнаты, уютная тяжесть Хэл, привалившейся к моему левому боку.

Ладонь сжимает обрывок сухой человеческой плоти.

А в другом городе, на другом континенте замер, скрючившись, мертвый сновидящий, возомнивший себя божеством.

Ученица отстранилась, растирая затекшую руку, и произнесла с легким разочарованием:

– Не думала, что у великого человека могут быть такие жалкие потомки.

² Александр Великий, он же Александр Македонский – царь из династии Аргеадов, полководец, создатель мировой державы. Еще в античности за Александром закрепилась слава одного из величайших полководцев в истории. Сотер – «спаситель» (*др.-греч.*). Кроме прямого значения, слово использовалось как эпитет Зевса, а затем и некоторых других богов-олимпийцев; в женском варианте употреблялось как Сотейра, например в обращении к Афине.

– Дело не только в людях. – Я приподнялся и положил на комод трофей, в котором больше не было никакого смысла. – Сам город изменился, вместе с живущими в нем.

– Ты был в Александрии? – Тень прежней, жаркой любознательности мелькнула в приглашенной от усталости ученице.

– Был. – Я встал, распахнул форточку.

Ледяной воздух с улицы ворвался в душную комнату ударом копья, разгоняя сонную одурь и видения чуждого мира.

– Нестор. – Хэл уселась на кровати, подтянув к груди колени, и обхватила их руками. – Похоже, это учитель Феликса.

– Может быть, да, а может и нет. Пока у нас ни одного доказательства. Лишь домыслы.

Я с силой сжал виски, чувствуя, как в памяти, переполненной десятками образов из мира Логоса, один за другим мелькают «файлы», которые нужно осмыслить, когда начнет лучше работать голова.

Я не верю, что в увиденном мной сегодня нет совсем ничего ценного.

Поэтому старательно записывал каждую мелочь, вспыхивающую в сознании. Все образы до мельчайших деталей.

Про Феникса мы больше не говорили, но его произнесенное имя продолжало звучать где-то на границе рассудка, и я знал – рано или поздно мы вернемся к нему.

Уже второй час Хэл старательно систематизировала свои впечатления, сидя напротив меня за столом, – и ее юное лицо становилось строгим и отрешенным.

Когда нашу работу прервал громкий настойчивый стук, ученица огляделась с недоумением.

– Это мой телефон, – сказал я, не отрываясь от файла. – Сообщение.

– Может, поменяешь сигнал на входящие? – осведомилась Хэл, выбираясь, чтобы встать. – А то такое чувство, будто дэймосы уже в стену долбят.

Она принесла коммуникатор и положила передо мной. Я взглянул на экран. Там высвечивалась одна-единственная строчка. «Приезжай. Срочно. Виктор».

Я захлопнул крышку на чехле планшета.

– Хэл, вызывай такси. Мы едем в Полис.

Не задавая лишних вопросов, она схватила телефон, мгновенно отправила запрос, сообщила мне:

– Машина через две минуты.

И бросилась одеваться.

Мы выехали спустя пять минут.

Хэл устроилась на переднем кресле, рядом со мной, посмотрела на адрес, который я забивал в навигатор, и вопрос о пункте назначения отпал у нее сам собой, однако возник другой:

– Как думаешь, что случилось?

У меня были кое-какие предположения, но я не стал их озвучивать.

– Узнаем на месте.

Она кивнула, открыла планшет, несколько мгновений смотрела на экран, потом шумно выдохнула и спросила с досадой:

– Мэтт, ты что, спартанец?!

Это явно не было комплиментом моей мужественности. Спартанцев, как известно, воспитывали воинами – но при этом они были лишены таких навыков цивилизованности, как умение писать или читать, их обучали только воинскому мастерству, искусству стратегии и, конечно, развитию физических навыков: мощных мышц, грубой силы. Поэтому в нашем обществе спартанцем обычно называли плохо образованного человека.

– Сбил все настройки. Как тебе это удастся?!

Она потратила довольно много времени, устраняя причиненный мной ущерб, но письмо Тайгеру все же было отправлено еще до того, как мы нырнули в тоннель Гиперпетли.

В центральном Полисе по-прежнему было тепло. Оглушающая жара летних месяцев и начала осени схлынула, оставив свежесть. Прозрачные тени от ветвей платанов лежали на мостовых.

Мне захотелось спуститься на древнюю набережную Тибра и не спеша пройти по ней, вдыхая аромат быстрой воды, послушать шум перекатов, посидеть на нагретых солнцем каменных плитах, любясь цаплями, охотящимися на мелкую рыбешку. Можно медитировать часами, путешествуя во времени не сходя с места. Весь Полис от древности до настоящих дней тут можно охватить одним взглядом. Река – самая первая, была здесь с начала времен, по ее берегам скитались еще племена этрусков. Набережная, широкая, укрепленная, в гранитном парапете тяжелые бронзовые кольца – швартовать лодки.

Мост Элия, построенный в сто тридцатых годах, за ним белые храмы. Особенно впечатляет мавзолей Адриана, с бронзовой фигурой императора в образе солнечного бога Аполлона.

Над ним возвышались постройки пятисотых – чуть грубоватые, мощные, напоминающие крепости, стилизованные под античность, с теплым оттенком штукатурки на стенах. Мои любимые цвета – терракота, сливочно-желтый, приглушенно оранжевый.

А выше – сияющие вершины современных зданий, в дымке подвесных садов и тонком кружеве портиков, вознесенных на необозримую высоту...

– Хорошо бы пройтись, – сказал я негромко сам себе, глядя в окно на проносящиеся мимо платаны, растущие вдоль реки.

– Что? – Хэл подняла голову, отрываясь от новостей, которые пролистывала на планшете.

– Хочу прогуляться здесь.

– У нас же нет времени.

– Потом, когда-нибудь. Когда это время появится... если вообще появится.

Машина обогнула исторический центр, свернула на переплетение улиц, и спустя несколько минут мы оказались возле дома.

Дверь в квартиру Виктора была приоткрыта. За ней слышался приглушенный гул голосов. Я тихо вошел первым. В нос ударила странная смесь запахов. Дезинфекция, мокрая глина, озон, плесень, и еще что-то...

За углом длинного коридора сверкали белые вспышки и слышались сухие, частые щелчки фотоаппарата. Ни с чем не перепутаю этот звук.

Я направился прямо туда, Хэл не отставала, но не успели мы сделать и нескольких шагов, как мне навстречу вышел высокий мужчина с растрепанными светлыми волосами и хмурым, сосредоточенным лицом. Увидел меня, и в его серых холодных глазах мелькнуло узнавание.

– А ты как сюда попал?

– Виктор прислал сообщение.

Он хотел спросить меня еще о чем-то, вернее, готов был вцепиться и не выпускать до тех пор, пока не получит ответы на все стихийно возникшие сомнения. Но его окликнули:

– Неарк, подойди. Ты здесь нужен.

– Не уходи, – велел мне эринер. – У меня есть к тебе пара вопросов.

И удалился на зов.

– Удивительно, – тихо произнесла Хэл, – он очень похож на Герарда.

– Ничего удивительного, – отозвался я, – это его внук.

Ученица изумленно застыла, сопоставляя образ эринера и сновидящего. Я же снова направился вперед, но опять не смог добраться до цели, столкнувшись со вторым представителем защитников правопорядка.

Марк выглядел точно так же, как и в последнем сне. Широкоплечий гигант, не уступающий комплекцией оракулам, с мрачной, слегка опухшей физиономией. Даже контур римского орла, выбитый на затылке, остался неизменным.

– Ты-то мне и нужен, – заявил охотник, цапнул меня за плечо, взглянул на удивленную Хэл и слегка улыбнулся ей. – А ты посиди пока вон там.

Кивнул на кушетку в прихожей и потянул меня за собой.

В небольшой комнате, скорее напоминающей склад старых неудавшихся скульптур, разместились стол на круглой ноге, с треснувшей деревянной столешницей, и единственный стул. Гипсовые изваяния богинь, героев и мифических чудовищ сдвинули в угол, часть завесили тканью. Пахло пылью и каким-то химическим средством.

Я сел. Марк остался стоять, прислонившись к стене.

– Я говорил с Тайгером, – произнес он, закончив прожигать меня тяжелым, мрачным взглядом. – Он мне рассказал о трех могилах в одном переделанном мире. Из-за которых начался весь этот переполох.

– Вообще-то их было четыре, – заметил я.

Значит, Тайгер счел возможным поделиться со своим ближайшим учеником информацией о некоем перекованном дэймосе.

Марк правильно понял смысл моего молчания.

– Я сам догадался, кто ты такой. Сомнения возникли после того, как я поработал с тобой в первый раз. И укрепились после второго. Тайгер всего лишь ответил на мои вопросы.

– Ни у кого больше подобных подозрений не возникало.

– Ни у кого нет такого опыта работы с дэймосами, как у меня. Кроме учителя, естественно. Как ты оказался здесь?

– Виктор попросил приехать. Марк, что случилось и почему тут эринеры?

Он помолчал, потом оттолкнулся от стены и кивком велел следовать за собой.

Кушетка оказалась пуста, можно было не рассчитывать, что Хэл станет примерно сидеть, дожидаясь, когда ей позволят встать. Ученица растворилась где-то в глубине квартиры.

Прежде просторное жилище архитектора как будто стало меньше. Продвигаясь следом за Марком, я постоянно наткался на посторонних людей. Двое в форме эринеров, смутно знакомый парень со значком сновидящего...

В комнате Кору на кресле полулежала незнакомая мне девушка. Вокруг нее хлопотали два медика. Не целители.

Ее шея была густо залита биоклеем, к запястью тянулись трубки капельницы. На бледном до синевы лице сверкали серо-зеленые глаза.

– Это София, – сказал мне Марк, – одна из моих оптимизаторов.

– Что произошло? – спросил я тихо, но сновидящая услышала.

– Ударил в шею спицами. – Ее голос звучал сдавленно и сипло. – Если бы я не почувствовала движение за спиной и не повернулась, она бы проткнула меня насквозь.

– София работала с ламией, – пояснил Марк, – и до сегодняшнего дня все было прекрасно.

– Где Кора? – обернулся я к охотнику.

Он кивнул в сторону узкого коридорчика, где только что прекратили мерцать вспышки. Оттуда вышел мужчина с камерой, висящей на шее. Он был сосредоточен и деловит. Движения скупы и энергичны.

– Я закончил. Она ваша.

Он посторонился, пропуская меня.

Это снова была ванная комната. С крюка люстры спускалась грубая серая корабельная веревка. На ней, с тугим узлом над левым ухом висела Кора. Багровое от прилившей крови

лицо едва узнаваемо, выпученные мутные глаза глядят прямо на меня, черный язык вывалился изо рта.

Старая Арахна в своей последней паутине. Древний миф в новой интерпретации. Проиграв Афине³, она убежала и повесилась со стыда. Но сначала ударила богиню мудрости своими спицами.

– Снимайте, – прозвучал рядом голос Неарка. – Мы заберем ее, если сновидящие не против.

– Возражений нет, – корректно откликнулся Марк.

«Мы не работаем с мертвыми телами и вещами, снятыми с мертвых тел», – мог бы сказать он, так же как и любой из нас. Но для эринеров труп ламии мог прояснить некоторые важные вещи.

– Ну, и какие мысли у мастеров сна? – спросил Неарк, отворачиваясь от мертвой ламии, пока его коллеги вынимали ее из петли.

– Самоубийство, – ответил охотник сдержанно. – На первый взгляд. К чему пришли эринеры?

– Рабочая версия – самоубийство, – повторил внук оракула ту же самую гипотезу. – После вскрытия можно будет сказать точнее.

Пока они негромко обменивались репликами, я медленно отступил, стремясь не привлекать к себе внимания. У меня возникла собственная теория, касающаяся всего происходящего, и надо было успеть проверить детали.

Хэл обнаружилась очень быстро. Ученица сидела на кухне, за столом, напротив Виктора. Они беседовали вполголоса, доверительно наклоняясь друг к другу, разделенные двумя объемными чашками, над которыми поднимался легкий пар.

Я зашел, осторожно и тихо, чтобы не прервать разговор. Мельком оценил помещение – оно было стилизовано под старину: гриль, оформленный как очаг, ряды медной посуды на открытых полках, фреска по белой стене, изображающая виноградную лозу, покрыта мелкими трещинками. Тяжелые резные стулья, массивная столешница...

– Они сдружились с Софией, – говорил Виктор, и в его словах звучало неподдельное недоумение. – Я никогда не видел, чтобы Кора так сходилась с людьми. Повеселела, перестала цепляться к мелочам, стала лучше себя чувствовать. И она не притворялась, я видел, ей действительно нравилась эта девушка... а потом вдруг это все... – Он неловко мотнул головой в сторону коридора.

Затем увидел меня. Поднялся. Расстроенное лицо просветлело.

– Мэтт, – он крепко пожал мне руку. – Спасибо, что приехал.

– Как ты?

– Ошеломлен, – ответил архитектор честно, потом криво усмехнулся. – Расстроен, но не до горя. Наши отношения с Корой трудно назвать гладкими.

Он помолчал и поинтересовался сухо:

– Она была дэймосом, ламией?

– Да. Кто сказал тебе?

– София. Обрисовала в общих чертах... – он неопределенно повел рукой и снова опустился на стул. – Теперь многие странности матери стали понятны.

Я сел рядом с Хэл. Во взгляде ученицы читалась многозначительность и легкое нетерпение. Ей хотелось поделиться со мной новостями и собственными выводами.

– Зачем Кора это сделала? – спросил Виктор. – Почему вдруг?

– Пока есть только предположения. Например, затяжная депрессия, которая закончилась самоубийством.

³ Имя София (греч. «мудрость») – одна из более поздних интерпретаций имени Афина.

Он неопределенно покачал головой. Похоже, его не вполне устраивало это объяснение. И я его понимал.

На кухню вошел Неарк, окинул внимательным взглядом нашу компанию и сказал:

– Аметил, мне нужно поговорить с тобой.

Хэл, непривычно молчаливая, посмотрела на меня, в ее серых глазах я прочитал сдержанное предупреждение.

Студия Виктора была темной и пустой. Все голографические проекции выключены. Барельефы утонули в тени. Экраны компьютеров погашены.

Стульев здесь не было, и мы встали друг напротив друга.

– Давно ты знаком с Виктором? – спросил Неарк, открывая крышку электронного блокнота.

Его манера смотреть, наклоняя голову из-за высокого роста, уверенный звучный голос, пронизывающий взгляд были мне очень знакомы. Забавно видеть хорошо известные приемы, которыми всегда пользовался один человек, в исполнении другого.

Эринер, заметив, что мысли собеседника уплыли куда-то, собирался повторить вопрос, но я опередил его:

– Извини. Пытаюсь абстрагироваться.

Неарк улыбнулся понимающе.

– В этом сложность работы с вами. Слишком много ненужных ассоциаций и образов. Ладно, давай ближе к делу.

– С Виктором я познакомился недавно. Когда навещал Кору. Она сновидящая, а точнее дэймос. Ты уже в курсе?

– Да.

Лицо Неарка оставалось бесстрастным.

– С ней мы столкнулись в одном из снов, – продолжил я. – Давно. Лет тридцать... или сорок назад. Не помню точно.

– Что тогда произошло?

– Я лечил пациента после ее нападения. А спустя короткое время она сама подверглась атаке дэймоса. Он оказался сильнее и заблокировал ее дар. Стандартная ситуация.

– Почему ты решил навестить ее, после стольких лет?

Я пожал плечами.

– Сон приснился. Я вспомнил про нее. Решил проверить.

Неарк захлопнул свой блокнот, так и не записав в него ни слова. Я его понимал. С точки зрения нормального человека все это звучало полным бредом.

Но самое главное, я не сказал ни слова неправды. На ламию напал дэймос, которым я больше не являюсь, значит, могу говорить о себе прежнем в третьем лице. Талия действительно явилась ко мне во сне, и с ее помощью я вспомнил про Кору.

– Слушай, Мэтт...

– Неарк, я знаю, что мои ответы должны порядком раздражать. Странные мотивы, невнятные объяснения. Ни одного реального факта.

– Реальный факт есть. Женщина, которая после долгих спокойных лет жизни вдруг полезла в петлю. А перед этим совершила покушение на свою гостью. От которой, по словам сына, была в полном восторге. И произошло это все вскоре после твоего появления.

Он вопросительно приподнял брови, вновь напомнив мне Герарда.

– Не исключаю, что мое появление могло послужить катализатором...

Дверь распахнулась, и в студию стремительно вошел охотник.

– Мы закончили. Софию увозят. Что тут у вас?

– Сплошной туман, – сказал Неарк, постукивая по крышке блокнота. – Сны сорокалетней давности, психические атаки, предчувствия...

– Понимаю, – с тенью участия в голосе произнес сновидящий. – Я предупреждал, что ничем не смогу помочь. Разбираться со снами придется нам. Лучше остановитесь на версии затяжной депрессии. Все равно никаких внятных фактов никто из нас не сможет вам предоставить. Разве только, – он улыбнулся, – взять тебя с собой в сновидение. Но даже если ты найдешь там улики, в реальность их унести не получится.

Предложение Марка не вызвало восторга эринера, но лицо его стало подозрительно задумчивым.

– Я могу быть свободным? – спросил я, делая шаг к двери.

– Позвоню, если понадобится, – сказал Неарк.

– Достану через сон, – пообещал охотник.

Софию уже увезли. Я успел заметить лишь, как за сопровождающими ее медиками закрылась дверь. Но из кухни появилась Хэл. Она подошла, взяла меня за руку, и в ее ладони я ощутил нечто маленькое, круглое. Можно было не смотреть, я и так знал, что это. Пуговица сновидящей.

– Отличная работа, – сказал я ученице уже на улице, садясь за руль машины.

– Подумала, для нас это единственная возможность узнать хоть что-то полезное, – начала рассказывать Хэл, довольная похвалой. – Кора мертва, но она тесно контактировала с охотницей. Может быть, та что-то узнала. Или ламия пыталась на нее влиять через сон.

– Скорее повлияли на ламию.

– У тебя есть версия?

– Не удивлюсь, если Кору заставили убить себя. – Я завел машину, и та мягко заурчала, готовясь тронуться с места, едва я буду готов задать программу маршрута. – Приказ на уничтожение. Как только она рассказала мне про лекаря дэймосов, ее убрали... Хотя нет, – вынужден был сделать я поправку в своих размышлениях. – Ламию убили после того, как в ее доме появились мастера снов.

– Думаешь, за ней следили все это время?

– Вряд ли. Думаю, в ее подсознании была пара крючков, которые активизировались, едва в сон полезли посторонние.

Хэл глубоко задумалась, рассеянно глядя через лобовое стекло на припаркованный у подъезда мощный, обтекаемый «трифон», несомненно принадлежавший охотнику Тайгера. Ее лицо стало мрачным, холодным, замкнутым. Я знал, о чем она думает и что вспоминает.

– Вообще у нас, конечно, ужасная работа, – произнесла ученица бесцветным голосом. – Постоянная кровь, грязь, смерть.

Она передернула плечами, закинула руки за голову и сцепила пальцы над подголовником. Короткая юбка поползла вверх, сильнее открывая ноги, и я положил ладонь на ее бедро, там, где заканчивалась темная полоска широкой резинки чулка и начиналась белая обнаженная кожа.

Моя гурия очнулась, забыв о тяжелых воспоминаниях, повернула ко мне голову и чуть улыбнулась.

– Ну кроме того, что ты перечислила, есть и что-то хорошее. – Под моей горячей рукой она казалась прохладной и гладкой.

– Да. Пожалуй. – Голос Хэл прозвучал глубже и ниже, чем обычно. – Некоторые вещи я упустила из виду.

– Всегда рад напомнить.

На ее бледных щеках появилась тень румянца, зрачки расширились, и в темной глубине пристального взгляда распахнулась знакомая бездна, наполненная жаждой жизни и свободы.

Я провел кончиками пальцев по линии над краем чулка, едва касаясь, и почувствовал, как напряглись мышцы под моей ладонью.

Хэл расцепила руки над головой, но не прикоснулась ко мне. В стекло с ее стороны посту- чали.

Мы обернулись одновременно.

Марк наклонился, положив локти на дверцу, и наблюдал за нами с насмешливым инте- ресом. Я опустил стекло.

– Забыл предупредить, – произнес охотник. – Держитесь подальше от всего связанного с Корой и от всех, кто ее окружал. Для вашей же безопасности.

Кинул взгляд на мою руку, которую я не удосужился убрать с бедра Хэл, усмехнулся и отошел.

– А это вообще кто? – спросила ученица, оглядываясь на неспешно удаляющегося коло- ритного атлета. – Такое чувство, будто мы где-то встречались, но не могу вспомнить где.

– Ты его знаешь. Туан из сна про Баннгок.

– Серьезно?! – Изумленная Хэл даже приподнялась на сиденье, чтобы лучше рассмотреть ученика Тайгера. – Вот это изменение! А он весьма неплох в реальности.

– Да неужели? – Я усмехнулся, активируя навигатор, и машина резво тронулась с места. Инерция толкнула гурию обратно в кресло. Наблюдение за «объектом» было прервано.

Хэл улыбнулась, глядя на меня, и спросила:

– Так ты слушаешь его? Мы не будем вмешиваться?

– Ты помнишь все законы сновидения?

– Да, конечно. – Она вскинула брови, словно удивляясь, как я мог усомниться в ее спо- собностях.

– Тогда сегодня я научу тебя, как скрываться не только от самого спящего, но и от тех, кто следит за его сном.

– У меня такое чувство, что эти знания из практики дэймосов, – произнесла Хэл задум- чиво.

– Это просто знания. Мы сами решаем, как пользоваться ими.

Ученица, молча соглашаясь со мной, наклонила голову, опустила руку на колено. И я знал, что в ее кулаке зажата пуговица, позаимствованная у Софии. Ее первый, самостоятельно добытый трофей.

Глава 3

Стрелок

Окно было распахнуто, и порывы ветра, налетающие с завидной периодичностью, с каждым разом усиливаясь, волновали занавески. Ветер тянул за собой грозу – возможно, последнюю в этом году, – опоздавшую к лету.

Тучи казались черными, точно плоть, пораженная гангреной, и мраморные храмы богов, находящиеся на холмах исторической части города, на их фоне сделались ослепительными, словно вылепленные из самого чистого снега, привезенного сюда с горных вершин.

Неарк наблюдал за тем, как стихия наступает на Полис, гасит солнце и заставляет кипарисы и зонтичные сосны раскачиваться из стороны в сторону. Стена дождя приближалась с юга, подминая под себя здания делового центра, кварталы музеев и университетов, ботанические сады и переброшенную через реку жемчужную нитку монорельса. Когда первые тяжелые капли упали на газон, он закрыл створку окна, останавливая рокот грома.

В соседней комнате, сейчас зловещей и мрачной, летали сканеры. Два шара, каждый размером с футбольный мяч, мягко гудя, заканчивали виртуальное моделирование места преступления.

Места смерти, тут же поправил себя Неарк, глядя на труп Кору, все еще висящий в петле. Ему придется опираться на то, что есть, хоть он и знал, что сновидящий Марк Стратор прав. Эринерам не удастся доказать влияние деймоса, и дела не откроют. Эта история так и осядет в базах данных как самоубийство, и надежда лишь на то, что с нею рано или поздно разберутся мастера снов. Однако у Неарка имелись сомнения в том, что даже если те кого-то поймают – сообщат эринерам. Будут действовать своими методами...

Синие лучи сканеров пахли грозой, точно щупы ползли по комнате, касаясь стен, пола, потолка, задевая мебель, предметы на столе и на мгновение скользнув ячеистой сеткой по мертвому лицу с посиневшими губами. Затем свет, льющийся из шаров, погас, и те, сделав последний круг, вылетели в соседнее помещение, гудя деловито, будто шмели.

Место было записано, виртуальная копия навсегда останется в базе, и если у кого-то возникнет желание, то он снова окажется в этой комнате и сможет изучить любую деталь, потрогать предметы, заглянуть в каждый угол и заметить зацепку, упущенную экспертами, следователями или фотографом.

– Мы закончили, – отчитался заглянувший оператор. – Можем снимать?

– Да.

Два человека деловито, но без суеты срезали петлю, осторожно и немного торжественно уложили тело в белый лакированный контейнер. В Полисе любая жизнь бесценна и любая потеря гражданина – трагедия. Кем бы он ни был. В обществе верят в исправление, и шанс есть у всех.

Пока ты не умер.

Они собрались задвинуть крышку, но Неарк их остановил:

– Ил, до того как я уйду. Мне нужно твоё заключение по крови.

Судмедэксперт не удивился, достал из саквояжа узкий, похожий на ручку предмет, воткнул в предплечье самоубийцы.

– Когда будет готово, я тебе сообщу.

Неарк кивнул помощнику, передавая ему полномочия, вышел в коридор.

Дождь на улице лил не переставая. За окном наступали сумерки.

Неарк вошел в лифт, двери начали бесшумно сдвигаться, но чья-то уверенная рука придержала створку, не дав ей закрыться. В кабину шагнул сновидящий.

Марк, набирая сообщение на коммуникаторе, выглядел сосредоточенным и погруженным в себя. Впрочем, эринер видел на своем лице, отразившемся в зеркальной стене, точно такое же выражение.

Охотник на миг отвлекся от текста на экране, провел по сенсорной панели, выбирая первый этаж.

– Домой или в департамент? – спросил он, не глядя на Неарка.

– В отдел.

Марк помолчал немного, продолжая переписку, и заявил неожиданно:

– Мое предложение остается в силе.

– Какое?

– Погружение в осознанное сновидение. Увидишь, как все это, – он небрежно обвел кабину, – выглядит с той стороны. Может быть, найдешь подтверждение своим догадкам...

– А ты нашел там подтверждение своим?

Лифт остановился. Охотник вышел, посмотрел на эринера, оставшегося в кабине.

– Кое-что обнаружил. Когда поймешь, что реальность не дает тебе ответы, – обращайся. Вдруг сон поможет.

Развернулся и пошел к выходу из подъезда, на улицу.

– Забавно, что Герард никогда не предлагал мне путешествий в сон, – негромко произнес Неарк, обращаясь скорее сам к себе, но помощник Тайгера услышал.

– И не мог, – отозвался он, перед тем как створки снова сдвинулись. – У оракулов свои пути и методы передвижения в сновидении.

Неарк спустился еще на два уровня, миновал три секции здания по самодвижущейся дорожке – под искусственным, похожим на солнечный, светом, мимо спрятанного за панорамным стеклом влажного тропического леса. Затем начинался комплекс подводного мира с самым большим городским аквариумом и целый детский город с игровыми площадками, сейчас живой и переполненный.

Порой жизнь и смерть существуют слишком близко друг от друга, и веселящиеся дети даже не подозревают, что в двух шагах от них обитают чудовища из кошмаров. Неарк в их возрасте тоже ни о чем таком не думал – дед никогда не рассказывал ему об ужасах, которые могут поджидать в сновидениях.

Пиликнул коммуникатор, и он привычно взглянул на часы, отметив: шесть пятнадцать. Кто полжизни провел рядом со сновидящим, тот поневоле научится ценить время.

Заключение судмедэксперта было именно таким, как и предполагалось. Дотошный Ил не обнаружил следов наркотических веществ, лекарств, алкоголя или нейротекса. Ничего. Чистая кровь.

Просто старая женщина, ведущая затворнический образ жизни, внезапно сошла с ума, едва не убила сиделку, которая за ней присматривала, а затем покончила с собой.

Машина узнала его за пять метров и, дружелюбно мигнув фарами, подняла дверцу. Он завел ее на грузовую платформу, и та двинулась наверх, под дождь и загорающиеся на тротуарах фонари.

До магистрального шоссе Неарк добирался чередой уютных, заросших каштанами улиц. Несмотря на плохую погоду, людей было достаточно – они шли с работы под прозрачными зонтиками, на которые ложились блики от светящихся вывесок, заходили в маленькие кафе и рестораны, смотрели афиши грядущего спортивного события: ежегодного марафонского забега лучших атлетов Полиса.

Неарк припарковался на несколько минут и купил пластиковый стаканчик с липовым чаем в ближайшем кафе, у улыбающейся рыжеволосой девушки.

На магистрали он встал на скоростную полосу, разогнав свой автомобиль до максимума.

Лобовое стекло, расчерченное частым мельканием дворников, замерцало вызовом, и Неарк, не снижая скорости, движением зрачков дал сигнал коммуникатору – ответить.

– Мчишься на пожар? – раздался полный иронии баритон Фотиса. Он слышал рев мотора, так что вполне мог представить машину, которая точно комета несется по трассе. – Что там в итоге произошло?

– Разве Ил тебе не переслал предварительный отчет?

– Попытка убийства сновидящей и самоубийство, – произнес Фотис. – Какая-то ерунда. Если только ее не накачали каким-нибудь препаратом.

– У меня пока нет психологической экспертизы, но уверен, та проводилась, раз сновидящие стали работать. Да и сын погибшей отметил глубокую депрессию. А вот насчет препаратов – наш эксперт сказал свое однозначное «чиста».

– То есть дело закрыто?

Закрыто. Он квестор⁴, а квестор может сколько угодно строить в уме предположения и догадки, но в итоге перед ним остаются факты. Нельзя написать: «Отпечатки пальцев не обнаружены, потому что преступник, наверное, был в перчатках». Это домыслы. Максимум что может позволить должностное лицо на его месте: «Отпечатки пальцев не обнаружены». А почему – ошибка невнимательного эксперта, перчатки на руках или вообще отсутствие преступника – покажет время.

Так и со снами. Их нельзя прикрепить к отчету. Аналитический центр, а после и база данных просто не примет подобную информацию, не сможет ее обработать и выдаст ошибку. Поэтому дэймос и его преступление окажутся вне сферы интересов отдела «ЭВР».

Но сказал Неарк совершенно другое:

– Дело? О смерти подозреваемой? Да. Закрыто. Попытка убийства сновидящей? Нет. Надо будет заполнить формы, сдать отчет, прикрепить мнение Ила и отправить начальнику. Только после этого...

– Ну да. Вопрос лишних суток. Подозреваемая мертва, больше наказывать некого, так что твоя работа выполнена.

Неарк сжал губы. Он так не считал. Но когда-то Ида, у которой тоже случилась встреча с дэймосом однажды за карьеру, сказала ему: «Есть вещи, которые я не могу проверить, в отличие от Герарда. С которыми не смогла справиться. И мне пришлось отступить. Надеяться, что он или кто-то другой из центра снов сделает то, что никогда не получится у меня – поймать и наказать преступника, действующего в сферах, недоступных эринерам. А я... продолжала находить и останавливать тех, кто причинял вред людям в реальном мире. Каждый обязан заниматься тем делом, которое у него хорошо получается».

На панели замерцал новый сигнал.

– Извини, вызов по второй линии, – сказал Неарк и переключил канал.

В машине тут же зазвучал голос Ангела – сотрудника отдела, имя которого было вечным поводом для шуток⁵.

– Слушай, тут у меня новость по твоему делу. Мертвец в Кимере. Помнишь, камеры зафиксировали курьера, доставившего нелегальный сон в автоматическую ячейку? Для Никоса Прокекса? Ну так вот труп – как раз этот самый курьер.

Неарк присвистнул, уже прикидывая, где ему съехать с высотной полосы шоссе, чтобы добраться до места как можно быстрее.

– Сообщил в центр сновидений?

– Да. Они в курсе.

– Пришли мне точный адрес.

⁴ Квестор – должность в Древнем Риме. Занимался расследованием уголовных дел.

⁵ Дословное значение – «вестник радости».

Тема нейротекса не давала эринеру покоя уже давно. Это был реальный факт, не домыслы сновидящих, которые невозможно ни проверить, ни опровергнуть. А с новой информацией, полученной от представителя Пятиглава, дело обросло неожиданными деталями.

Неарк собирался к ней домой, но Клио заверила, что может заехать в «ЭВР» сама.

– У меня конференция неподалеку, – сказала она с легкой улыбкой в голосе. – Мне совсем не трудно заглянуть в ваш департамент. И тебе не придется добираться на другой конец города.

Аонида появилась в середине дня, когда большинство коллег разъехались по делам. В отделе оставались лишь четверо. Сам Неарк. Фотис, его напарник. Острый на язык Кир. И Ангел, занятый отчетами департамента спорта.

Неарк, изучавший опрос сотрудников «Эглы» на предмет утечки информации, поднялся навстречу Клио.

Такой он ее помнил всегда. Лишь вместо золотой тоги сновидящей теперь на ней был легкий светлый костюм. Сетка искусно переплетенных друг с другом кос плотно обхватывала голову, только единственный волнистый локон спускался на обнаженную шею. Рядом, между ключиц лежал большой зеленый камень на тонкой цепочке. «Синтетический изумруд», – машинально отметил эринер.

Клио подошла к Неарку, посмотрела снизу вверх, улыбнулась и не произнесла ни слова из тех, что так любят говорить в подобных случаях люди, гораздо более старшие по возрасту. «Как ты стал похож на деда!» или «Как ты вырос! Я помню тебя еще забавным пятилетним мальчуганом», и еще вариант: «А помнишь трехмерную модель Галактики, что я тебе подарила на семилетие? Ты сохранил ее?»

– Добрый день, Неарк, – сказала сновидящая.

– Спасибо, что нашла время приехать, – ответил он, пожимая ее теплую ладонь.

Она села на предложенный стул.

Фотис занял свое место, достал блокнот.

– Клио, это Фотис Кебрион, – сказал эринер. – Мы вместе работаем над делом, по которому тебя вызвали.

Аонида улыбнулась и произнесла своим мягким, приятным голосом:

– Арсений Кебрион ваш сын?

– Да, – ответил тот с легким недоумением.

– Я читала его статью по альгологии. Очень перспективно.

– Это было лет пять назад, – усмехнулся Фотис, весьма польщенный. – Теперь он работает на морской станции. Говорит, вал работы, нет времени на теоретические разработки. А у вас отличная память.

– Не такая хорошая, как у оракулов, – улыбнулась девушка, затем перевела взгляд на Неарка, словно почувствовав, что тот стремится поскорее перейти к делу. – О чем ты хотел поговорить?

– О нейротексе.

Она опустила руки на стол, переплела пальцы.

– Понимаю интерес. Я принимала участие в его разработке вместе с представителями «Эглы». Я и загрид Беант – это мой коллега.

– Что именно ты делала? – спросил Неарк.

Клио помедлила, глядя на него пронзительными серо-зелеными глазами.

– Структурировала знания, придала движению мысли ученых нужное направление. Составила четкий план, по которому им следовало двигаться дальше.

Она заметила и правильно истолковала замешательство на лицах мужчин.

– Это не очень просто объяснить. Представьте, что ваши мысли, ваш мозг – экспресс, несущийся вперед. Он движется и днем и ночью.

– Такое я могу легко себе представить, – проворчал Фотис.

– Но если днем, во время бодрствования, вы перемещаетесь от одной станции до другой сознательно и часто эти станции – миражи... ошибки, которые замедляют действие... то во сне ваш мозг свободен от жестких рамок и границ. Фантазия беспредельна. А движение продолжается. Ваш поезд сметает ложные послы и создает новые, неожиданные. И чаще всего они могут быть именно теми решениями, которые не придут вам в голову, когда вы не спите. Аониды помогают экспрессам ваших мыслей лететь в нужном направлении, наносят на карты важные остановки, выстраивают четкий маршрут без отклонений и тупиковых веток.

– То есть вы не даете прямых ответов? – уточнил Фотис, строча что-то в бумажном блокноте.

– Нет. Мы ищем их вместе с клиентом.

– Вернемся к нейротексту, – сказал Неарк, примерно представлявший себе стараниями Герарда работу мастеров сна. – Несколько молодых людей погибли при странных обстоятельствах, и в их крови обнаружен препарат, над которым велась работа.

– Знаю. Пятиглав также обеспокоен этим.

– А как насчет вас, тех, кто работал с «Эглой»? – прямо спросил Фотис. – Утечка не могла идти от вас? Поделились с какими-нибудь коллегами? Продали патент на производство иностранным фармацевтическим компаниям? Статью напечатали?

– Нет, – серьезно сказала Клио. – На все ваши вопросы – ответ «нет». Разработка нейротекста не принадлежит нам. Это интеллектуальная собственность корпорации «Эгла». И лишь они вправе распоряжаться ею.

Фотис кивнул, просматривая свои записи.

Неарк поймал сосредоточенно-изучающий взгляд Ангела, брошенный поверх головы Фотиса. Но тот тут же отвернулся, крутанувшись на своем компьютерном кресле, и теперь был виден лишь его коротко стриженный темно-русый затылок.

– Скажи, Клио, – произнес Неарк, снова возвращаясь к теме, которая занимала его. – Никто не мог проникнуть в твой мир снов и забрать нужные сведения?

– Формула не записана на входе в мое подсознание, – аонида с улыбкой провела пальцем по своему лбу, – ее нельзя просто взять и прочесть. Там не стоит компьютер, в который можно ввести пароль и найти файл.

Нечто подобное он ожидал услышать. Мир снов не поддается логическому анализу. Во всяком случае, со стороны обычного человека.

– Взгляни на это, – Неарк повернул к ней свой монитор и настроил трехмерное изображение двух формул. – Может, возникнут какие-нибудь мысли.

Клио придвинулась к столу и несколько долгих минут изучала сложные соединения. За это время Фотис успел отойти к кофемашине, перекинуться парой слов с Ангелом, вернулся с двумя стаканчиками, над которыми поднимался горячий ароматный пар. Поставил один рядом с Клио, но та даже не заметила этого: сравнивая две модели, медленно вращала их, заставляла увеличиться фрагменты и снова возвращала прежний вид. Затем она откинулась на спинку стула, и Неарку совсем не понравилось отсутствующее выражение ее лица.

– Мне нужно еще немного времени, – сказала Клио наконец.

– Да, конечно, – отозвался Фотис, но вряд ли сновидящая слышала его.

Зеленый кристалл на ее шее оказался не украшением. Клио повернула на внутренней стороне невидимые для посторонних наблюдателей грани, сдвинула внешнюю крышку, и Неарк увидел миниатюрное устройство для запоминания, передачи и считывания информации.

На стол спроецировалась виртуальная клавиатура. Под пальцами сновидящей, касающимися бледно-голубых несуществующих символов, выросли три экрана – и по ним побежали сложные системы: закрученные цепочки ДНК, соединения, формулы.

С той стороны, где сидел Кир, послышалось легкое постукивание. Неарк взглянул на него и увидел, что тот машинально крутит в руке кастет, отобранный у кого-то давным-давно, и

задевает по столешнице, вряд ли сам замечая это. Похоже, тоже с азартным нетерпением ждет вердикта аониды.

Клио внезапно погасила два экрана. И долго смотрела на оставшийся.

– Я не могу сказать, как именно аналог нейротекса попал в организм погибших молодых людей, – произнесла она наконец. – Но я знаю, откуда он появился.

Неарк подался вперед. Фотис скрипнул ножками стула по полу, придвигаясь ближе.

– Может быть, вы помните. Лет пятьдесят назад... случился очень неприятный инцидент с нашими гражданами в Александрии. Он имел огромный общественный резонанс. После чего Полис пересмотрел многие свои взгляды на отношения с соседями.

– Я помню, – хмуро сказал Фотис. – Когда еще учился в академии, на одном из занятий разбирали дело. Похищение наших специалистов на территории агломерации. Совместная операция «ЭВР» и сновидящих Александрии. Множество бумаг через дипломатическую миссию. Прочесали все оазисы, но безрезультатно. Их так и не нашли. Тогда же начали активно вводить проект гидов-охранников для граждан Полиса за его пределами.

Клио утвердительно наклонила голову, по ее волосам пробежала голубоватая тень от виртуальной проекции.

– Все верно.

– И какая тут связь с нашим делом? – спросил Неарк.

– Один из похищенных был генно-модифицирован, – произнесла Клио прохладным голосом. – В его крови циркулировал нейропротектор старого поколения. Несовершенный, более короткого действия, с побочными эффектами, которые можно было нейтрализовать другими препаратами. – Аонида указала на экран. – Вот этот.

– То есть ты хочешь сказать, – прозвучал рядом с Неарком резкий голос до предела раздраженного Кира, – что кто-то выпотрошил гражданина Полиса, сделал смертельно опасный препарат из его крови и теперь травит им наших детей?

– Жестко по форме, но верно по сути, – отозвалась Клио, погасив экран своего мощного переносного виртуала.

– И мы до сих пор не поймали эту тварь, – зло резюмировал Кир.

Сновидящая повернулась, посмотрела внимательно и заинтересованно на невысокого худощавого эринера с острыми, как будто ножницами вырезанными, чертами лица.

– Вы хотите принять участие в физическом задержании преступника, ответственного за происходящее? Если мастера снов обнаружат его...

– Не если, а когда, – перебил ее эринер, – когда вы обнаружите его.

Клио слабо улыбнулась.

– Хорошо, когда мы обнаружим его, я сообщу вам.

– Отлично. – Он отвернулся и ушел на свое место, где снова принялся выстукивать легкую дробь по столу кастетом.

– Ждать столько лет и начать действовать только сейчас? – задумчиво произнес Фотис.

– Мы продолжаем проверять потенциальные жертвы. – Клио еще раз повернула изображение, проецируемое с ноутбука Неарка. – Молодые люди, занимающиеся спортом, дети граждан Полиса, имеющих значимый вес в нашем обществе.

– То же самое, – хмуро откликнулся Ангел из-за своего монитора, – перелопатили кучу анкет, лаборатория загружена до сатурналий. Пока никаких результатов.

Судя по тону, он был не слишком доволен тем, что молодые люди и подростки оказались здоровы и пока избавлены от воздействия опасного препарата. Реальных материалов, с которыми можно работать, по-прежнему не имелось.

Клио повернулась к Неарку.

– Ты родственник оракула, представителя Пятиглава. Вероятная жертва. Тебя проверяли?

Тот не успел ни удивиться, ни задуматься, ни ответить, как вдруг почувствовал укол в плечо. Дернулся, оглядываясь, но Ангел уже вытаскивал из его руки острое шприца-карандаша для забора крови. Закрыв колпачком иглу, довольно усмехнулся и заявил:

– Отдам в лабораторию прямо сейчас.

– Приятно, когда коллеги так заботятся о тебе, – проворчал Неарк, распрямляя спину. – Ну и когда, по-вашему, мне могли подsunуть нейропротектор?

Он уже сам прекрасно знал ответ. Эта тема обсуждалась.

– Прежний препарат вводился в виде инъекций, – сказала Клио. – Современный аналог – мелкокристаллический порошок без вкуса и запаха, фасуется в водорастворимые капсулы.

– Подсыпать можно куда угодно и где угодно. – Кир вытащил из чехла на поясе коммуникатор и принялся с огромной скоростью листать загруженные в него карты города.

– И сделать это может кто угодно, – добавил Фотис, глядя в свой блокнот. – У нас по-прежнему ничего нет. Как я уже говорил, надо искать поставщика.

– Мы работаем над этим. – Клио коснулась кулона, легко проведя по его граням.

– Ладно, ребятки, действуем по прежней схеме. – Фотис поднялся, отодвигая стул. – Связи, контакты, еще раз допросить родственников.

Из лаборатории выглянул Ил, указал на Неарка, объявил:

– Чист.

И снова скрылся за плотной матовой дверью.

– Кто-нибудь еще испытывает сожаление, услышав эту новость? – пробормотал Кир, обращаясь к экрану своего компьютера.

Внук оракула понимал его. Насколько бы им облегчило работу, если бы в его крови нашли нейротекс. Сузилась поиск, упростились задачи. Провели бы доскональный анализ, он вспомнил, с кем встречался, где что ел, подключили бы сновидящих, которые покопались в его подсознании...

Ида называла это профессиональной деформацией. Сожалеешь, что сам не отравлен, потому что тебе и коллегам яд в твоей крови помог бы найти преступника.

Неарк усмехнулся невольно, обрывая воспоминания. Свернул со скоростного шоссе на полупустую эстакаду.

В этом районе, рассеянном множеством каналов и застроенном пяти-семизэтажными домами, где каждая квартира была чьим-то социальным жильем, с работы возвращались поздно или вовсе ее не имели, предпочитая существовать на пособие. У селившихся здесь собственного транспорта не было, они выбирали рейсовые автобусы, или монорельс, или подземку.

На улицах молодежь собиралась рядом с маленькими кафе и барами, украшенными бледной неоновой рекламой, либо просто на набережных.

Неарку пришлось прижаться к обочине, чтобы пропустить автобус, заполненный людьми в рабочих спецовках. Его борта были размалеваны свежим граффити, которое еще не успели отмыть. Сразу за ним медленно двигалась машина эринеров – черная и низкая, похожая на крокодила. С погашенными проблесковыми маячками. Система на лобовом стекле сообщила Неарку, что его транспорт сканируют.

Компьютер патрульных получил ответ, и, когда они поравнялись, эринер, что сидел за рулем, приветливо кивнул квестору.

Возле канала Посейдона горел смонтированный и выставленный свет – так, чтобы экспертам легче было работать. Машины департамента перекрывали дорогу, от немногочисленных зевак тротуары оградил силовой лентой. На воде покачивался катер с взбирающимися по нему водолазами. Четыре сканера, расцвечивая место преступления голубыми огнями, носи-

лись по округе, запоминая каждую деталь. Фрагмент ограды оказался выломан, вокруг валялись пластиковые искореженные детали.

Тело уже нашли, из воды поднимали разбитый мотоцикл, когда Неарк вышел из машины.

Фотис – высокий, крепкий, чуть грузноватый к своим шестидесяти, сидел на каменном парапете, попивая дешевый кофе, купленный в ближайшей забегаловке. Узел на его галстуке был ослаблен, ворот бледно-голубой рубашки расстегнут, широкое лицо выглядело уставшим.

– Приветствую, – напарник вяло отсалютовал стаканчиком.

– Давно это случилось?

– Меньше часа назад.

– Свидетели убийства есть?

– Убийства? – Фотис вздернул брови. – Понимаю, что район не самый благополучный, но на этот раз злодеев нет. Банальная авария. У парня не было мозга, летел на мотоцикле, не справился с управлением и рухнул в воду.

Они вдвоем подошли к труп молодого человека, и Неарк внимательно изучил лицо, которое осталось совершенно не повреждено благодаря шлему, затем кивнул коллеге:

– Да, его мы видели на записи. Сканирование подтвердило совпадение?

Тот утвердительно наклонил голову.

– Из центра сновидений есть кто-нибудь?

Фотис указал в сторону канала. Вдоль парапета, говоря по коммуникатору, расхаживала высокая блондинка. Ее плащ из темной кожи блестел в свете фонарей, черные узкие джинсы заправлены в высокие шнурованные ботинки. Она наклонилась, подняла обломок зеркала мотоцикла, убрала в карман. Заметив эринера, кивнула издали, продолжая беседу по телефону.

– Что-то о нем известно?

– Имя, возраст. Зона регистрации – на которой он нежил. Запись на пособие. Которое не получал с момента наших событий. В поле зрения департамента раньше никогда не попадал. Приводов не имел и не привлекался. Совершенно чистая биография.

– Отлично для того, кто занимается перевозкой столь сомнительных посылок. Ни один патрульный его не остановит. Есть записи с камер?

– Сколько угодно, – Фотис достал из кармана коммуникатор, протянул Неарку, и тот внимательно изучил видео, снятое из трех разных точек.

Мотоцикл, летящий на полной скорости, вдруг виляет, слетает с дороги, врежется в ограждение, сносит его и вместе с водителем падает в канал.

– Только что дождь прошел. Дорога мокрая, вот и результат. Анализ крови еще не делали, но не удивлюсь, если найдем алкоголь.

Неарк на мгновение сжал двумя пальцами переносицу, сказал:

– Проверьте место, где он жил. Быть может, если не перепрошит навигатор, в мотоцикле осталась карта маршрутов. Сбрось мне. Как и телефонные звонки. Шанс, что мы найдем продавца, ничтожный, но вдруг нам повезет.

Напарник, кивнув, пошел договариваться с техниками, а Неарк вернулся в машину. Через бортовой компьютер и доступ для эринеров подключился к серверу, на который шли записи всех камер этого района, надеясь узнать о событиях, предшествующих аварии. Он «листал» видео, «прыгая» от одной камеры к другой. Наконец один из отрывков его заинтересовал, и эринер прокрутил запись несколько раз, переключая камеры.

– Нашел что-нибудь необычное? – прозвучал рядом женский голос.

Неарк поднял голову. В салон через опущенное стекло заглянула девушка-сновидящая. Ему было знакомо ее лицо с резковатыми чертами, обрамленное прямыми светлыми прядями. Элефенора всегда работала с Марком.

– За две минуты до смерти курьеру позвонили. – Он повернул коммуникатор так, чтобы она видела экран. – И вряд ли, услышав горестное известие, тот решил покончить жизнь самоубийством.

Девушка внимательно изучила запись, достала коммуникатор. На ее вызов тут же ответили.

– Словесный приказ... – сказала Элефенора в трубку. – Он не искал курьера. Всегда был на связи. И когда тот стал не нужен – устранил.

«Дэймос, создавший сон для Никоса Прокесса, замечает следы и обрывает все нити, которые могли привести к нему», – подумал Неарк.

Сновидящая взглянула на него и спросила, не убирая телефон от уха:

– Эринеры смогут узнать, с какого номера и откуда звонили курьеру?

– Уже занимаемся этим, – ответил тот.

Память выдала невольную аналогию – в деле, которое вела Ида много лет назад, подозреваемая тоже утонула. Правда, у себя в ванной, а не свалилась вместе с мотоциклом в канал...

Девушка отошла, продолжая беседовать.

– Ты сейчас в департамент? – Фотис сел в машину, с довольным вздохом откинулся на спинку кресла.

Час был поздний, и Неарк знал, что лучше отложить дела до утра. Следовало хорошенько выспаться после дня, бесконечного на события.

– Домой. Но могу подбросить тебя до работы. Все равно по пути.

Вокруг знаменитого перекрестка Эола, образованного сразу двенадцатью автомобильными дорогами, точно корона снежного короля высились небоскребы, сотканые из ярко-голубого стекла. Здания вырастали прямо из сердца парка с тропической листвой, в котором благодаря силовым полям поддерживался климат, присущий Баннгоку, а не Полису. По границе дождливого леса, подсвеченные огнями, похожими на гигантских, призывно мерцающих светлячков, тянулись открытые павильоны с кафе и ресторанами, обзорные площадки, фуникулерная дорога, связывающая эту часть города с речными островами, ярко освещенные прожекторами теннисные корты и баскетбольные площадки.

После прошедшего несколько часов назад дождя на улице сохранялась прохлада, но район бурлил ночной жизнью. Здесь никто и никогда не спал, и толпы людей можно было встретить и ранним утром и поздним вечером.

Машина остановилась на светофоре, ожидая, когда сотни пешеходов, двигавшихся в разных направлениях, освободят путь. Фотис, всю дорогу молчавший, оторвался от коммуникатора и попросил:

– Сможешь остановиться? У меня смена до утра, возьму поесть себе и ребятам. Им тоже сидеть до рассвета над отчетами.

– Хорошо. Чуть дальше, за «Галактикой», отличная кофейня.

Он припарковался, и Фотис, подняв дверцу, спросил:

– Тебе что-то нужно?

– Нет, спасибо.

Напарник легко хлопнул ладонью по крыше:

– Я быстро.

В клубе напротив гремела музыка, у входа собралась большая очередь, терпеливо ожидая, когда охрана «спишет» с коммуникаторов штрихкоды на вход. Мимо на электрических велосипедах проехали два десятка стариков в ярко-желтых жилетах со светоотражающими полосками.

Мужчина на мотороллере, стилизованном под прошлый век, припарковался перед машиной Неарка, опустил подножку, достал из багажника несколько коробок... и упал на влажный асфальт, отражающий неоновые огни.

Эринер бросился к человеку, собираясь помочь, склонился над ним, хмурясь и недоумевая, почему мотоциклетный шлем расколот, словно по нему ударили кувалдой, а под головой растекается темное, масляное пятно крови. Мужчина был мертв.

Неарк понял это в то же мгновение, как и что грохот музыки из клуба напротив заглушил звук выстрела. Он не успел никого предупредить – длинная очередь с крыши здания ударила по толпе, собравшейся у входа.

Она скосила с десятков человек, захлебнулась, когда над ухом Неарка глухо залязгал пистолет Фотиса. Детектив стоял во весь рост, стреляя туда, где, по его мнению, скрывался стрелок. Неарк бросился к багажнику, достал из него универсальный дробовик.

Из-за небоскребов, ревя двигателями и включив осветительные прожектора, прилетел полицейский беспилотник. Система слежения Полиса мгновенно среагировала на стрельбу, прислав ближайшие имеющиеся силы и отправив сигнал тревоги в департамент, всем патрулям и службе спасения.

Лучи света взяли крышу «в прицел», и беспилотник, зависнув, включил динамики, оглушив весь район грохотом стального голоса:

– Немедленно положите оружие! Немедленно положите оружие, или мы будем вынуждены...

Над головой застучал стальной молот, оставив в ночном небе алые росчерки – и беспилотник превратился в огненный шар. Неарк толкнул Фотиса плечом, подальше от падающих обломков. Один из двигателей упал рядом с машиной, едва не раздавив ее.

– Да там целая армия! – потрясенно произнес напарник.

– Стрелок один, – возразил Неарк. – Но у него роботизированная артиллерийская система. Как раз против беспилотников. Прикрой меня... А то он расстреляет половину города!

Эринер бросился из укрытия, стараясь как можно быстрее преодолеть простреливаемый отрезок. Пистолет Фотиса с равными паузами ухал у него за спиной. Времени как раз хватило для того, чтобы заскочить через стеклянные раздвижные двери в здание, когда вновь начался прицельный огонь по улице.

Сознание Неарка словно раздвоилось. Одна его часть заставляла эринера оставаться холодным расчетливым профессионалом и делать то, что следовало. А вторая – кричала ему, что подобное может происходить где угодно: в Баннгоке, Александрии, Тенчитолане, но не в стабильном Полисе, где жизнь каждого жителя – ценность. И сейчас он оказался словно в вязком кошмаре.

Лифт был на верхнем этаже и не реагировал на команды, так что Неарк, выругавшись, побежал к лестнице. Перепрыгивая через несколько ступенек, добрался на двадцать пятый этаж, к выходу на крышу. Дверь, разумеется, была заперта, электронный замок заблокирован, но, по счастью, преступнику не хватило квалификации отключить его от городской системы – и коммуникатор эринера, отдав сканирующему устройству приказ департамента, снял код блокировки.

Раскрытую на треноге допотопную роботизированную систему он увидел сразу, как только выбрался на крышу. Сфера с вращающимся на триста шестьдесят градусов стволом, датчиками движения и коробкой, забитой крупнокалиберными патронами. Стрелок, не мудрствуя, подключил ее к распределительному щитку здания, и Неарк разнес его первым же выстрелом, обесточив опасную помеху.

Двинув пальцем по сенсорному датчику оружия, он двинулся к краю крыши, уже понимая, что из-за выстрела остаться незамеченным у него не получилось.

Неарк увидел брошенную винтовку, быстро отпрянул в сторону, и только поэтому пуля, выпущенная из пистолета, не попала ему в спину. Он укрылся за коробом вентиляции, сквозь рубашку ощущая холод стали. Когда еще две пули врезались в преграду, эринер упал на бок, и дробовик в его руке рывкнул, выплюнув травматическую картечь.

Неарк целился по ногам и попал. Преступник, чье лицо было закрыто платком, с криком боли рухнул, но тут же приподнялся на локте, вскидывая оружие.

Появившийся в дверях запыхавшийся Фотис выстрелил первым. Пневматический пистолет щелкнул, и дротик со снотворным угодил стрелку в шею.

– Уф, – сказал пожилой коллега. – Что бы ты без меня делал?

Неарк встал, все еще держа потерявшего сознание на прицеле, ногой отбросил пистолет подальше, слыша над головой шум прилетевших беспилотников, а на улице вой сирен. Склонившись над человеком, он прощупал пульс, нахмурился и сказал с удивлением:

– Он мертв.

– Что? – не поверил Фотис. – Это снотворное. Он всего лишь уснул.

– В том-то и дело, – устало произнес Неарк. – Он уснул.

Глава 4

Агломерация Александрия

Двигатель заглох. В этот раз на выезде из города.

Бодрое низкое гудение внезапно сменилось натужным взрывыванием, автобус начал дергаться рывками, так что пассажиров бросало на спинки впереди стоящих сидений.

Почти сразу же мотор захлебнулся чахоточным кашлем и вырубился.

Проклятая пыль опять забила старые фильтры. И хорошо, что не посреди пустыни. Руф потянул рычаг, открывающий дверь, и рывкнул погромче, чтобы слышали на заднем ряду:

– Остановка! Полчаса!

В салоне прокатился недовольный ропот. Хотя возмущались только для вида. От Эсна до оазиса Абу-Симбел было полдня пути, если не считать краткую стоянку у гробниц Эль-Минья. Час больше – час меньше. Разница небольшая.

Водитель распахнул свою дверь, выбрался из-за руля и спрыгнул на дорогу. Раскаленный сухой воздух прошелся по лицу горячим наждаком.

Задворки города были засыпаны песком. Полуразрушенные здания таращились оплывшими выбитыми окнами. Кое-где те были завешены драными грязными тряпками. В пыли у дверей возились тощие дети. Убогая бакалейная лавка, приткнувшаяся между двумя оседающими домами, оказалась закрыта. На двери висел амбарный замок, стальная решетка закрывала стекло, ни разу не мытое со дня постройки. За ним виднелись банки с лимонадом, выцветшие на солнце упаковки шоколада и табака для кальянов. Руф машинально похлопал себя по нагрудному карману. Сигареты почти кончились.

У ветхой кофейни сидели на корточках два мужчины и молча рассматривали остановившийся вездеход.

А в центре, вдоль Александрийской гавани, стоят дома из стекла высотой в сто этажей, вокруг них растут пальмы и журчат фонтаны – вспомнил Руф невольно. Он никогда не был там. И сомневался, что когда-нибудь попадет.

Из автобуса начали вылезать пассажиры. Тучные женщины в длинных платьях-абаях с покрытыми головами тащили за собой ноющих от жары детей и перекрикивались резкими, недовольными голосами. Девчонки помоложе пугливо оглядывались на сопровождающих родственников и поспешно опускали глаза, чтобы случайно не столкнуться взглядом с посторонним.

Смуглые черноволосые мужчины в дешевой замызганной одежде столпились возле нагретой за день огромной машины, оживленно переговариваясь. Один достал потертый телефон с треснувшим экраном и принялся показывать остальным ролики, скачанные из Сети. Окружавшие с восторгом смотрели, смеялись и обсуждали увиденное, отвечивая периодически детям, лезущим под руки, щелбаны и оплеухи, чтобы не мешали.

Это были обычные работяги с семьями, перебирающиеся из одного оазиса в другой на поиски сезонных заработков. Нынешней осенью они ломались в Абу-Симбел, где концерн «Джебел-Нарр» запускал новые шахты, и теперь там разбили целый поселок для тех, кто готов трудиться не только на своем огороде.

Все знали, что полчаса растянутся на час, а то и на два. Никто никуда не спешил. Позже приедешь – позже начнешь работу. Хорошо.

Руф поднял защелки замков и открыл капот, морщась от прикосновения к горячему металлу. Подождал минуту, жар от двигателя шел точно из раскрытой духовки, по привычке проверил охладитель в сменных капсулах и только после этого полез в фильтры, стараясь не касаться раскаленных поверхностей.

Обычный рутинный процесс, который, к сожалению, порой приходилось выполнять по три раза в день.

– Помощь нужна?

Доброжелательный уверенный голос с едва уловимым акцентом прозвучал рядом неожиданно.

Водитель поднял голову, изумленный внезапным предложением. Нет, бывало, возле машины, заглохшей в самый неподходящий момент, крутились зеваки, заглядывая с умным видом в двигатель, и давали глупейшие советы, на которые Руф давно не реагировал. Но реально помочь никто не рвался.

Подле него стоял молодой мужчина. Высокий, крепкий, излучающий здоровье и бодрость. Прямая спина не согнута тяжелой работой с детства, в движениях уверенность и сила, ровный открытый спокойный взгляд. С ним девушка – такая же стройная, с гордо поднятой головой. Волосы светлые, точно льняная пряжа, не прикрыты от пыли. Одета в белые брюки и рубашку с коротким рукавом.

У обоих были голубые глаза словно весеннее небо. Почти такого же цвета, как рисуют на амулетах от порчи.

На фоне низкорослых, коротконогих мужчин в дишдашах с засаленными воротниками и располневших женщин в черных абаях они выглядели как два сокола в стае галок.

Да и сам Руф рядом с ними почувствовал себя подержанным, разбитым «Кхануфасаи» перед новеньким, мощным, только что сошедшим с конвейера «Сакром».

На них смотрели. Мужчины кидали острые оценивающие взгляды, молодые девчонки перешептывались, жадно разглядывая чужестранку, женщины неодобрительно косились, хмыкали и бормотали.

– Ну, так нужна помощь? – повторил иностранец.

– Делать нечего? – осведомился Руф, снова ныряя под капот.

– Вот именно, нечего, – улыбнулся тот и склонился рядом. – Вместе будет быстрее. Ключ есть? Эрис, поддержи, я раскручу.

Руф покосился на нее, но девушка охотно включилась в работу, ее не смущали ни прокручивающиеся гайки, ни машинное масло. Пальцы у нее были сильные и ловкие, и возней с техникой ее, похоже, не удивишь. Они сняли защитные крышки, Руф за рукоятку вытащил тяжелый фильтр, прочистил его, наблюдая, как Эрис делает то же самое со вторым. Поставил свой на место, забрал у девчонки, нехотя отметив, что справилась она аккуратно и решетки теперь чистые.

Теперь надо было все проделать в обратном порядке.

– Севр, с твоей стороны зазор, подтяни сильнее.

Водитель испытал нечто вроде досады, что эти двое привязались к нему и занимаются не своим делом. Он привык в одиночку решать все проблемы. Но в то же время было приятно видеть их рядом. Девушка стояла совсем близко, иногда он касался ее локтя, чувствовал теплый запах, исходящий от нее.

– Полис? – спросил он, уже зная ответ.

– Он самый, – отозвался мужчина.

Руф еще раз взглянул на него и понял, что тот старше, чем показалось на первый взгляд.

– А ты? – Эрис быстро поставила на место прочищенную сетку. – Местный?

– Да. Не похож?

– Нет. – Она убрала со лба тыльной стороной ладони легкий локон. – Встретила бы у нас, не отличила. Русые волосы, светло-серые глаза, аттический профиль.

– Потомок древних завоевателей Эгиптоса, – сказал Севр с улыбкой.

– Да, осталось несколько родов, – нехотя отозвался Руф, завинчивая снятые гайки. – Одни совсем обеднели. Другие более-менее ничего. Кто-то, я слышал, сохранил богатство до

сих пор. Но они живут в Тахире или далеко отсюда. На восточном побережье. Помойки, песок и зной их не особо привлекают.

Он заметил, что гости из Полиса переглянулись, и спросил сам:

– А вы здесь зачем?

– Слышал про шахты Абу-Симбела? Их должны были запустить месяц назад. Но не успели. Теперь «Джебел-Нарр» пригласил специалистов из Полиса, чтобы те помогли наладить производство. Мы в их числе.

– А что ж вы тогда, специалисты, своим ходом добираетесь?

– Руководство посчитало ненужным гонять из-за двух инженеров машину компании, – усмехнулась Эрис, вытирая руки тряпкой, которую подал ей Руф.

– Нам несложно добраться самим, – сказал Севр добродушно.

– Посчитало ненужным? Взятку, значит, сунуть кому надо не догадались.

– А без взяток здесь вообще ничего не движется? – спросила девушка.

– Ну почему, движется. Только очень медленно.

– И часто совсем не в ту сторону, куда надо. – Севр улыбнулся понимающе, но Руф видел – он все равно не до конца улавливает суть системы Александрии.

– Наши состоятельные люди считают так: они стражи – привратники элитного клуба, для избранных. В котором можно ездить на роскошных лимузинах, открывать свои фирмы, платя минимальные налоги, получать огромные проценты с чужой прибыли... – Руф закрутил последнюю гайку. – И быть членом этого клуба очень достойно. А вступить туда можно, заплатив взнос. Так принято во всех клубах. Взнос – взятка. Это понятно? Все честно.

– Оригинальный взгляд, – заметила Эрис, щурясь от палящего солнца. – А ты сам согласен с ним?

– Мне дело надо делать, а не систему ломать, – хмуро ответил Руф, подозревая, что она не одобряет стиль его жизни. – А вот вы ерундой занимаетесь.

Водитель захлопнул капот и сунул в потрепанный кофр разводные ключи.

– Какой именно? – весело спросила девушка, убирая непослушную прядь волос за ухо.

– Шахты строите. Дороги прокладываете. Лучше бы не лезли сюда.

– Почему ты так думаешь? – Севр пристально посмотрел на Руфа, словно ему действительно было дело до мнения водителя старого автобуса, ползающего от одного нищего города до другого. И только сейчас Руф заметил, что у него очень запоминающиеся глаза – вокруг черной точки зрачка серо-голубая радужка, а ее обводит четкая темная полоса. Похоже на мишень.

Руф не спеша вынул из кармана пачку сигарет, вытряхнул одну, протянул инженеру. Тот отрицательно покачал головой. И тогда водитель закурил сам, щурясь на собеседника сквозь сизый дымок.

– До того как вы пришли на эту землю, они, – он кивнул на пассажиров, бродящих вокруг автобуса, – жили в палатках из овечьих шкур, гоняли верблюдов. Одно племя воровало у другого женщин и еду. А вы появились и пересадили их с ослов на бизнес-джеты, переселили из-под пальм в небоскребы... Ну не этих, – уточнил он, заметив скептическое выражение на лице Эрис. – Тех, кто теперь владеет шахтами и нефтяными вышками. Но и они остались такими же дикими, только с деньгами. И они вас ненавидят.

– За что, по-твоему? – спросил Севр.

– Она, – Руф указал тлеющим концом сигареты на девушку, – белая, в брюках, смотрит в глаза, улыбается, руки открыты, красивая. Ты – белый, здоровый, сильный, богатый.

Инженер улыбнулся невесело:

– Особенно смешно звучит последнее.

– А еще вы приехали из города, где нет закона, но много денег. И все они были бы не против забрать эти деньги себе, желательно вместе с вашими женщинами. А мужчин заставить работать на себя. Или убить.

– Мрачная картина, – сказал Севр с прежней улыбкой.

Эрис нахмурилась, окидывая взглядом нищую улицу. У порога кофейни сидели уже пятеро и не отрываясь главели на ноги девушки. В дверях маячил еще кто-то.

К Руфу неспешно приблизился бородатый мужчина в некогда белой галабее, спросил задиристо, но с нервной ноткой:

– Ну что?! Едем, нет?

– Докурю, и поедем, – надменно отозвался Руф, и тот торопливо отошел, сообразив, что побеспокоил важного человека и он, недовольный, если захочет, может простоять еще лишний час, показывая свою власть.

– Забирайтесь, – водитель кивнул собеседникам на открытую дверь. – И мой вам совет – больше со мной не ездите. Пусть возит компания.

Отвернувшись, щелчком отправил окурки в песок и залез в кабину, сел за руль, посигналил. Завел двигатель, прислушался к его тихому рокоту, удовлетворенно кивнул. Если повезет и не поднимется песчаная буря, до оазиса доберется без поломок. Пассажиры, разбредшиеся по округе, начали усаживаться в автобус.

Руф повернул зеркало заднего вида так, чтобы видеть салон. Инженеры из Полиса были на предпоследнем ряду. Девушка у окна.

Автобус дернулся и медленно тронулся с места. За пыльными стеклами поплыла грязная улица. Разбитые дома, жалкие кофейни, нищие лавки, ослы, козы, высохшие колодцы. Бензоколонка и разбитые грузовики без колес, кузова которых превратили в мусорные свалки.

А потом город остался позади, вокруг раскинулась пустыня. Сперва каменистая, с горами на горизонте, а затем – песчаная. Она дышала жаром. Куда ни посмотри теперь, вздымались мягкие красновато-серые барханы. Горячий воздух дрожал над ними, искажая расстояния.

Вдали виднелись вышки. Стальной лес, днем и ночью сосущий из земли деньги. Факелы, пылающие над ними, в темноте пустыни иногда напоминали Руфу сотканные из огня шары.

Становилось все более душно. Кондиционер в автобусе сдох давным-давно. Окна тоже не открывались. Несколько кустарно установленных вентиляторов не справлялись со своей работой, грозя в любой момент отправиться следом за кондиционером.

Движение создавало хоть какую-то видимость дуновения ветра. Он пробивался сквозь щели и слегка обдувал потные лица. Руф подумал рассеянно, каково девушкам в чарфашах, закрывающих не только голову, но и нижнюю половину лица, да еще плотная ткань – от горла до пят. Так придется париться почти весь день. Впрочем, их дело.

Вдоль дороги, если можно было так назвать полосу разбитого бетона, засыпанного песком, показались развалины. Обломки зданий могли появиться там, где их раньше не было, а могли исчезнуть. Пустыня глотала их, погребая под барханами, и выплевывала в новом месте. Из дыр окон и дверей длинными языками вытекал песок.

Один раз, проезжая здесь, Руф заметил среди камней человеческий скелет, обмотанный тряпками. Голый череп щерился на путников, иссохшие пальцы бессильно тянулись к дороге. Попал в пылевую бурю или умер от жажды. Теперь не узнаешь. На обратной дороге его уже не было.

В мутном небе висел размытый диск солнца. Полдень.

Водитель нехотя включил радио. После негромкого треска помех салон наполнил мощный, монотонный голос. Пассажиры благодарно заерзали, а потом забормотали, совершая все положенные поклоны и мановения руками.

Руф знал, что некоторые останавливают автобусы, чтобы провести молитвы в благостной обстановке спокойствия, у него же не было на это ни времени, ни желания. Кто не хочет

ехать с ним, пусть ждет трое суток следующего вездехода. И обычно желающих задержаться не находилось.

К тому же в путешествии позволялось сократить количество читаемых сур и телодвижений. Грехом это не считалось.

Он взглянул в зеркало, увидел слегка озадаченные лица гостей из Полиса. Похоже, им еще не доводилось наблюдать подобных действий. Руф поймал взгляд девушки. Она вопросительно приподняла брови, а он не нашел ничего лучшего, как подмигнуть ей. Эрис не сдержала улыбку, тронула за плечо спутника, сказала ему что-то на ухо. И Руфу захотелось вдруг, чтобы фильтры засорились снова. Вездеход остановился бы, и он смог еще поговорить с этими людьми. Или просто постоять рядом.

«Притяжение крови» – как сказал бы дед. Ему повезло – он встретил белую женщину, такую же как сам. Отцу тоже удалось жениться на своей. Руф же все чаще понимал, что останется один. Местные девчонки вызывали лишь единственное желание – держаться подальше. Капризные и одновременно агрессивные, они требовали заботы, денег, вкусной еды, как избалованные дети, но в то же время нуждались в жесткой руке. Впрочем, и сам Руф оставался для них белым чужаком, хоть родился в Александрии и провел здесь всю жизнь.

И он не жалел о своем решении, до сегодняшнего дня.

...Радио давно замолчало, трансляция сменилась привычным треском.

Справа от дороги вынырнули очередные развалины. Они были похожи на стариков с лысыми головами, провалившимися беззубыми ртами и полуослепшими глазами. Бессмысленно таращились на проезжавших мимо и уныло свистели им вслед сухим ветром.

Руф протянул руку, чтобы попытаться поймать волну, сквозь шум наткнулся на невнятную, едва слышную слащавую музыку, на миг отвлекся от дороги... А когда снова поднял взгляд, спокойствие пустыни разбилось. Два небольших, но мощных вездехода вылетели навстречу, выбрасывая из-под широких рифленых колес струи песка, встали боком, перекрывая путь. На гребень бархана справа взобрался ревущий двигателем багги⁶.

Руф крутанул руль, уходя от столкновения с препятствием, слетая с дороги. И багги на полной скорости саданул в борт. Тяжелый автобус повело, потащило к камням. Ремень впился в грудь. Мужчину, сидящего на откидном сиденье у входа, швырнуло вперед. Он с кратким воплем врезался в перегородку и свалился в проход.

В салоне заголосили. Испуганно зарыдали дети. Слева грохотнуло сухо и коротко. Руф утопил в пол педаль тормоза, успел заметить, как быстро пригнулись Севр и Эрис, закрывая головы руками. На их согнутые спины хлынула лавина осколков из лопнувших окон. Сидящие перед ними не успели – мелкие жалающие обломки ударили в лицо мужчине, высекая из кожи красные брызги. А женщина, ехавшая с ним, завалилась набок, белый платок на ее виске залился красным.

Самая мирная и спокойная из всех трасс превращалась в зону боевых действий.

Автобус ткнулся носом в песок и наконец остановился. Руф сунул руку под сиденье, вытащил тяжелый разводной ключ, смехотворное оружие рядом с автоматом, но дохнуть как баран он не собирался.

Загремели разрозненные выстрелы, однако теперь стреляли не по вездеходу, а в воздух, желая припугнуть.

Вопли, крики, стоны, плач в салоне после этого только усилились. Вооруженные люди из перекрывших дорогу вездеходов уже бежали к автобусу.

⁶ Багги – открытый полноприводной автомобиль с мощным двигателем и рамной конструкцией, обладает высокой проходимостью.

Руф кинул взгляд назад. Эрис, прижимая к уху коммуникатор, что-то быстро говорила в него. Наверняка сообщала на свою базу о нападении.

Умница.

Значит, шанс есть.

Дверь кабины распахнулась. Человек в черно-красном платке-шемаге, повязанном на лицо, вскочил на подножку. Глаза у него были бешеные, налитые кровью. Дуло автомата уставилось Руфу в грудь.

– Вылезай! Приехал!

Руф сжал зубы, ключ сам дернулся в опущенной руке. Но он не ударил. Заставил себя разжать пальцы. Жизнь в Александрии научила – не сопротивляться, сделать вид, что подчиняешься. А потом действовать по обстоятельствам.

Ждать, когда он пошевелится, не стали.

Железные лапищи вцепились в плечи, потащили, выдирая из-за руля, удар прикладом в живот принудил согнуться, ловя ускользящий воздух. Следующий пинок бросил на колени. К затылку прижалась горячая сталь, но выстрела не последовало. Резкий гортанный окрик приказал убрать оружие.

Руф поднял голову.

Рева мотором, из укрытия выехал транспортер с закрытым кузовом, тяжело ухнув, остановился рядом с багги.

Шестеро нападавших сгоняли пассажиров, словно покорных овец, в сторону от автобуса. Женщин отдельно, мужчин отдельно. Двое споро поливали многострадальный вездеход бензином из канистр.

Захватчики работали спокойно, деловито, быстро. Нападение не ради легкой наживы. Никого не интересовала ни старая машина, ни жалкий скарб наемных работников.

Руф едва не вывернул шею, пытаясь увидеть иностранцев.

Севр выволокли из автобуса. Левая рука висит плетью, на рубашке кровь, лицо разбито.

«Он не должен сопротивляться», – подумал водитель с отчаянием.

«Их не должны учить сопротивляться. У них мирный город. Не с кем драться».

Инженера бросили на землю, где ему лучше было оставаться неподвижным. Но тот начал вставать, явно не зная этих простых и понятных местным правил.

«Лежи!» – мысленно приказал ему водитель.

«Не вставай!»

Один из нападавших – с лицом, заросшим до глаз бородой, оскалившись, размахнулся, целясь коленом ему в лицо, но Севр удивительно легко для раненого уклонился. И ударил в ответ. Снизу вверх, распрямляясь. Попал в подбородок, и довольно сильно, потому что боевик отшатнулся назад, тряс головой под смех остальных.

Но все равно сопротивление было бессмысленным. Иностранец не смог увернуться от кулака, врезавшегося в лицо, красные брызги разлетелись веером в раскаленном воздухе пустыни, сверкая на солнце, словно рубины из порванного ожерелья. Севр наклонился вперед, как показалось Руфу, теряя сознание, а затем вдруг с силой ткнул головой схватившего его сзади боевика. Впечатал затылок в его нос, водитель услышал смачный хруст. Черный завопил, выпуская белого. Игры кончились, и больше с ним не церемонились, сбили на землю прикладом и уже не давали подняться.

– Это инженеры! Из Полиса! – крикнул Руф, отвлекая на себя внимание. – Большие люди! Много денег!

Тычок в спину заставил его замолчать, но избиение прекратили.

Севр больше не двигался. Когда его потащили к автобусу по камням, за ним тянулась кровавая полоса.

Эрис вытащили из стайки воющих женщин, с похабными шуточками швырнули на землю. Один из боевиков вздернул ее за волосы, ставя на колени, запрокинул ей голову. Другой, стоя перед ней, начал расстегивать штаны, пересмеиваясь с приятелями. Руф, сжав зубы от бешенства и унижительной беспомощности, дернулся вперед, но очередной тычок толкнул его обратно. Эрис вдруг резко мотнула головой, и тут же по ушам ударил вопль, наполненный звериной болью. Мужчина с расстегнутыми штанами орал не переставая, зажимая пах обеими руками, и между его пальцев текли красные струйки. Девушка выплюнула комок откушенной плоти и что-то сказала насмешливо и четко. По ее губам и подбородку стекала кровь.

Дальнейшего Руф не видел, ему накинули мешок на голову, подняли и поволокли, перед тем как засунуть в транспорт ударили по голове, и темнота стала осязаемой и всеобъемлющей.

Он очнулся в тряском кузове транспортера, в крошечной полутемной клетке, провявшей мочой и кровью. Справа за прутьями виднелись скрюченные фигуры, сбившиеся в кучу. Оттуда доносилось непрерывное всхлипывание, бормотание и стоны. Слева белело нечто, напоминающее полосу света. Руф проморгался, не обращая внимания на ломоту в теле, подполз ближе.

Эрис лежала на спине, неловко закинув руку за голову, рубашка на ее груди была разорвана, на белой коже – синяки и царапины. Брюки заляпаны кровью. Половина лица – сплошной синяк, глаз заплыл.

Показалось, что она не дышит, Руф просунул руку сквозь решетку, схватил ее за плечо, потряс, потянул к себе.

– Эрис... Эрис!

Девушка медленно, с трудом повернула голову, скользнула по нему тусклым, плывущим взглядом.

– Ты жива... – выдохнул водитель, – главное, ты жива.

– Севр, – шепнула она беззвучно, одними губами. Гул двигателя заглушил звук чужого имени.

– Убили... – ответил он. – Наверное, убили.

– За что? – произнесла Эрис чуть громче. – Зачем?

– Рабы. Им нужны рабы. Бесплатная, забитая рабочая сила.

– Свободного человека нельзя сделать рабом, – прошептала она, как будто бредя.

Попыталась приподняться, застонала сквозь зубы. Руф придвинулся ближе, обхватил ее обеими руками, так, словно между ними не было решетки, чувствуя под ладонями лихорадочно горячее тело, которое колотила мелкая дрожь, и заговорил тихо:

– Послушай, мы выберемся. Я уверен. Вы же из Полиса. Вас не бросят. Как только узнают, что вы пропали, тут же начнут поиски.

Она запрокинула голову, глядя на него, в удивительных глазах не зажигалась ни радость, ни надежда. Эрис просто смотрела и слушала.

– Все будет хорошо. Я попытаюсь договориться. Нас выпустят. Мы нужны им для работы, и я уверен, у меня будет возможность переговорить с кем-нибудь. Они все любят деньги.

– Я даже не знаю, как тебя называть.

– Руф.

– Руф?⁷

Намек на улыбку скользнул по ее разбитым губам.

Грузовик начал ехать медленнее, затем сбросил скорость до минимума, и теперь его раскачивало как на волнах. Остальные пленники заголосили громче, а Руф сказал тихо, так чтобы его слышала только девушка:

⁷ Римское имя Руф означает «рыжий».

– Я знаю, где мы сейчас. Старая дорога. Огибает оазис Таруд с востока.

– Ты уверен?

– Я ездил здесь пару раз. Поперек дороги лежат колонны. Выломали из какого-то древнего храма и бросили. Поэтому нас так мотает. А сейчас будет грохот – здесь работают камнедробилки.

И он не ошибся, через несколько секунд машина утонула в скрежете, звонком стуке, равномерных ударах.

Руф следил за дорогой, разговаривая с девушкой, и продолжал держать ее в руках, но чувствовал, временами она уплывала, почти соскальзывая в беспмятство. Тогда он снова шептал ей о том, что все будет хорошо, почти против воли запоминая повороты, тень, падающую на крышу, хруст гравия под колесами. Пару раз он сам начинал выпадать из реальности, но усилием воли заставлял себя держаться в сознании, хоть голова и раскалывалась от боли.

Наконец транспортер, дернувшись всем запыленным, громяющим телом, остановился.

Крыша, скрежеща, поехала в сторону кабины водителя, собираясь гармошкой. Дневной палящий свет ударил по глазам. Послышались узнаваемые голоса. В кузов запрыгнул кто-то из боевиков. Болезненно жмурясь, Руф взглянул вверх, пытаясь понять, что происходит, и тут же девушку рванули из его рук.

Она глухо вскрикнула, а он только крепче сжал ее, хотя понимал, что все равно не удержит. Тогда он схватил за рукав боевика и заговорил быстро, глядя в его равнодушное лицо, заросшее черной бородой:

– Слушай, она из Полиса. За нее заплатят хороший выкуп. Но за живую.

Его не услышали, или не захотели услышать. В лицо ударила струя белого газа, забив глотку, парализуя дыхание.

Сквозь душащую боль Руф успел поймать взгляд девушки, перед тем как ее выдернули из кузова, крыша задвинулась.

Больше он не чувствовал ничего, кроме ватного равнодушия, но мозг, получивший жесткий приказ отслеживать направление, через тошноту и мысленное отупение продолжал фиксировать – поворот, сброс скорости, тряска на камнях, еще один поворот, грохот машин рядом, прямая дорога...

Он всегда запоминал любой путь с закрытыми глазами, и теперь это умение могло спасти жизнь не только ему. Поэтому он упорно повторял ленивыми, пересохшими губами «... поворот... сброс скорости... спуск вниз... поворот...»

Когда транспортер наконец остановился, он чувствовал, что его память переполнена до краев. В кузов полезли люди, вытаскивая пленников, на голову Руфа снова натянули мешок, связали руки.

Сначала ноги увязли в песке, затем под подошвами ботинок захрустели мелкие камни, потом дорога пошла под уклон. Палящий жар сменился вязким холодом. Вокруг бормотали, всхлипывали, монотонно завывали. Руф напряженно прислушивался, надеясь уловить голос Эрис или Севра. Но в унылых стенаниях не было даже их отзвука.

Заскрипела дверь, мешок сдернули с головы. Руф успел разглядеть длинный коридор, ряды дверей. Его втолкнули в тесную камеру, но, прежде чем заперли, он успел спросить тюремщика:

– Эй, сеид, куда нас?

И тот снизошел до ответа:

– Хорошее место тебе найдут. Работать будешь.

Дверь захлопнулась.

Здесь до него уже был кто-то. В углу валялся рваный матрас, поверх какие-то гнилые тряпки, покрытые плесенью.

Руф сел на пол, опустив на колени связанные руки. Одурь, вызванная газом, еще не до конца выветрилась из головы, потому что он не мог оценить до конца опасность, грозящую ему. Ни отчаяния, ни страха, ни тревоги.

Водитель прислонился затылком к холодной стене и закрыл глаза. Всего лишь на минуту, а когда открыл, понял, что уже не один в камере. Рядом сидел незнакомец. Худой, в черной футболке с размытым абстрактным рисунком и в потертых джинсах.

Руф был уверен, что никогда не видел его, но это лицо с острым подбородком и запавшими щеками удивительным образом казалось знакомым. Вызывало полное доверие.

Темно-серые глаза смотрели на пленника с участием и дружеским теплом.

– Ну как ты? – спросил он. – Держишься?

– Они сожгли мой автобус, – сказал Руф со злостью. И это было первое сильное чувство, которое вымыло труху сонных мыслей из головы.

Теперь он ощущал все – тревогу, за себя и белых из Полиса, бешенство от своей беспомощности, жаркое желание освободиться...

– Главное, сам цел, – философски отозвался парень. – Где находишься, знаешь?

– Похоже, старая крепость на территории оазиса Таруд.

– Уверен?

– Я могу ориентироваться здесь с закрытыми глазами. С шестнадцати лет езжу.

Парень прищурился, как будто пытался разглядеть что-то доступное лишь ему, затем устало потер лоб над бровями.

– Двое из Полиса, которые ехали в твоём автобусе. Что с ними?

– Севр, скорее всего, мертв. Эрис была со мной. Потом ее забрали.

– И тоже мертв, – задумчиво произнес странный гость, словно разговаривая сам с собой. – Во всяком случае, ее мира снов нет.

Потом, вспомнив о Руфе, задал новый вопрос:

– Ты в курсе, почему на вас напали?

– Я слышал разговор. Им нужны рабы.

– Тогда почему убили Севра и Эрис?

– Слишком строптивые. Не запугать.

Собеседник кивнул, внимательно разглядывая пленника.

– А может, она все-таки жива? – спросил тот с отчаянной надеждой. – Я не видел ее мертвой.

– Нет, приятель. Никаких шансов.

Он скрестил ноги, усаживаясь удобнее, и Руф увидел, что парень босиком. Но ступни его чистые, хотя пол был покрыт толстым слоем грязи. И мысли водителя устремились в другом направлении.

– А ты кто такой? Как вообще попал сюда?

Тот поднялся, наклонился, крепко взял Руфа за плечо:

– Мы вытащим тебя. Совсем скоро. Наберись терпения.

Он сильнее сжал пальцы, и... водитель проснулся. Он сидел в той же камере. На холодном полу, также прислонившись к стене, но рука все еще помнила теплое, дружеское прикосновение.

Ночной гость оказался прав. Руфа действительно вытащили. Через три дня. Нереально быстро по меркам неспешной, а временами откровенно ленивой, Александрии. Сквозь мутный сон он слышал выстрелы, вопли, резкие отрывистые команды, грохот. Потом шаги. Дверь его камеры распахнулась. На пороге появился военный в камуфляже, окинул пленника цепким взглядом, посторонился и пропустил внутрь парня в гражданской одежде. Одежда того – потертые джинсы и футболка с яркими пятнами на груди – показалась Руфу знакомой, а худое, бледное лицо с утомленными тенями под светлыми глазами вызвало яркое воспоминание.

– Я видел тебя во сне, – пробормотал Руф, приподнимаясь.

– Я тебя тоже, – улыбнулся парень, помог пленнику встать на ноги, разрезал ножом веревки на руках. – И там ты выглядел гораздо лучше.

– Такты... сновидящий? – Водитель машинально растирал затекшие запястья, рассматривая неожиданного спасителя.

– Да.

Его слова заставили Руфа спросить:

– Вы нашли инженеров?

– Нет, – отозвался тот нехотя. – И уже не найдем.

Он оказался прав.

Банду, торгующую людьми, уничтожили. Пленников спасли. Но среди них не было ни девушки, ни мужчины из Полиса.

...Руф открыл глаза, вновь осознавая себя здесь и сейчас. Через несколько десятков лет после этих событий.

Снял старый игровой шлем, цепочка от флэшки, вставленной в него, лежала на груди, пальцы крепко сжимали ее. Сон, записанный на съемный носитель много лет назад, оставался по-прежнему ярким, болезненно-острым, как свежая рана. Руф пересматривал его время от времени, раньше чаще, теперь реже. Пытался найти какие-нибудь зацепки, не замеченные прежде, лучше разобрать короткие реплики бандитов, напавших на автобус, различить детали... и вновь почувствовать себя молодым, полным сил. Как пятьдесят... пятьдесят шесть лет назад.

Но ничего нового он так и не узнал.

Мужчина снял с шеи цепочку и поднялся с кровати. Первые секунды после сна тело было одеревеневшим, но движение, как всегда, вернуло мобильность, хотя до прежней бодрости было далеко. Два окна его маленькой квартиры выходили на шумную, пыльную площадь. Чахлые пальмы, растущие у пятиэтажного старого здания, не давали даже иллюзии тени, хотя домовладелец, предлагая в аренду жилье, особо напирал на красоту ландшафтного дизайна и уют, пытаясь поднять цену.

На противоположной стороне несколько щитов. Фотографии людей, под ними красные строки. В отличие от портретов они не менялись никогда: *«Помогая этим людям, вы рискуете своей жизнью и жизнями близких, имуществом и здоровьем».*

По площади бескончаемым потоком ехали машины, велосипеды, мотоциклы, шли люди. Толстый стеклопакет – самое дорогое в этой квартире – практически отсекал звуки с улицы. Непрерывные гудки, рев двигателей, грохот, человеческую речь, заунывные выкрики торговцев, добирающихся сюда из соседних районов Александрии.

Белые жалюзи нагрелись от солнца и пахли пылью и пластиком. Одинокaя муха билась о стекло. На кухне бормотала вода в трубах.

Руф отвернулся от окна, окинул равнодушным взглядом спартанскую обстановку своей комнаты, сел за низкий стол, открыл свой старый ноутбук и полез смотреть новости.

Можно было заняться садоводством, благо климат Александрии позволял выращивать хоть розы, хоть ананасы. Или перезнакомиться со всеми белыми соседями. Их здесь было большинство – тех, кто не эмигрировал в Полис и отселился в один район ради безопасности и поддержки друг друга. Можно было начать вести курсы самообороны для соседских детей, если уж своими не обзавелся.

Но Руф просматривал все новостные каналы, любительские, официальные и тематические, как вчера, позавчера, неделю, месяц, год назад. Пусть его физическая форма с прожитыми десятилетиями не улучшалась, профессиональное чутье становилось все острее.

В ОБСТ его считали одержимым. Он мог сутками не есть, не спать, загоняя себя и своих сотрудников. Но и результаты у его группы были весьма впечатляющими. Несколько обезвреженных террористических группировок, освобожденные люди, предотвращенные взрывы зданий. Ну и плюс к этому спица в ноге, два титановых позвонка и хроническая бессонница.

Его вторая, настоящая, работа заменила собой всю жизнь. Иногда Руф вспоминал о том молодом беззаботном парне, водителе автобуса, мотающемся месяцами по одному и тому же маршруту, и понимал, как мало общего стало у них в итоге. Тот Руф из прошлого плыл по течению, смиряясь с обстоятельствами, этот, нынешний, занимался тем, что упорно ломал систему. Ту самую, выстроенную на взятках, крови, лени и жадности. Иногда это даже получалось.

Руф листал новостные ленты, просматривая сообщения наметанным глазом, отсекая чернуху, выразительную, но безобидную, нацеленную исключительно для привлечения внимания любопытной всеядной публики, умело и неумело поданную рекламу и порноролики, косящие под популярные музыкальные клипы.

Он был готов к любому повороту событий, как всегда. Но репортаж из центрального Полиса застал его врасплох.

Вечерний город залит электрическим светом. Видно недавно прошел дождь, и мостовая блестела, отражая свет огней. Кафе и рестораны, расположенные на разноуровневых площадках-парках, заполнены посетителями. Возле клубов шумные яркие очереди, по шоссе мчались автомобили непривычных обтекаемых конструкций...

А затем обычная жизнь города внезапно разрушилась. Люди, стоящие у дверей заведения, расцвеченного ослепительными огнями, начали падать, как срезанные невидимым серпом.

Огонь вели сверху. С одного из зеркальных строений.

Ракурс камеры резко сместился. Видимо, съемка шла полицейским дроном. На плоской крыше в пересечении ярких прожекторов стала видна тренога, на которой была укреплена хорошо знакомая Руфу установка «Нур», она исправно лупила длинными очередями по всему живому и неживому, но движущемуся, попавшему в прицел. За выступом мелькнул силуэт, луч света поймал человека с винтовкой в руках.

Кликнув на значок стоп-кадра, Руф всматривался в изображение стрелка. Его лицо было закрыто серой тканью, видна лишь тонкая переносица и глаза. Светлые. Серо-голубая радужка обведена темным ободком по краю.

Необычные глаза. Запоминающиеся.

Редкие.

Те самые.

Такие Руф видел лишь раз в жизни. В своей прошлой жизни.

С черной точкой зрачка. Похожие на мишень.

Он вновь запустил изображение, картинка ожила.

Террорист вскинул винтовку и выстрелил в очередную жертву, выбрав ее среди десятка других людей, тут же, передернув затвор, убил еще одного человека, потом слегка сместил дуло оружия и уложил третьего. Казалось, его вообще не волновала неизбежная расплата, он планомерно выполнял задуманное. Убивал так легко, словно его цель всего лишь виртуальная модель в компьютерной игре или мишень в тире. Для него все были врагами, заслуживающими смерти...

Затем полыхнула огненная вспышка, и Руф понял, что беспилотник, зависший над крышей, уничтожен. Самонаводящаяся система за спиной террориста разнесла прибор слежения на пластиковые осколки.

Текст бывший оперативник тоже прочитал. О том, сколько человек погибло... Мирных, не готовых к этой войне граждан Полиса.

Руф взял коммуникатор, лежащий под рукой, набрал номер. Отклика пришлось подождать, и Мурат не ответил, а рывкнул в трубку:

– Да?!

– Ты видел репортаж из центрального Полиса? Стрелка на крыше бизнес-центра?

– Нет.

– А ты посмотри.

– Слушай, Руфус, не до того сейчас. У нас беспорядки в районе Эр-Рияр. Захват заложников. А ты уже сколько лет на пенсии? Отдохни. Без тебя разберутся.

И молодой коллега отключился.

Руф часто говорил своим подчиненным, что на их работе не бывает ни отпусков, ни пенсий, и продолжал придерживаться своей теории.

Несколько секунд он смотрел в погасший экран коммуникатора, затем перевел взгляд на видеоролик, где чужой парень со знакомыми глазами расстреливает людей, и принялся искать в телефоне еще один номер.

На этот раз ответили мгновенно. Голос, звучащий неизменно в реальности, во сне, в прошлом и настоящем, был вежлив и наполнен спокойствием.

– Слушаю тебя, Руф.

– Сегодня я видел белого мужчину с глазами Севра. Он совершил вооруженное нападение на людей в центральном Полисе.

Левк помолчал, затем сказал невозмутимо:

– Я понимаю, о чем ты. Но Севр мертв, так же как и Эрис. Уже несколько десятилетий. И у нее и у него не было детей. А также братьев, сестер и прочих родственников. Мы все это узнавали уже очень давно, Руф.

Теперь взял паузу Руф. За входной дверью послышались торопливые шаги, веселые голоса, звяканье велосипедного звонка. Залаяла собака.

– А если вы ошиблись?

– Я говорил тебе. Много раз. Но мне не сложно повторить еще. – В голосе сновидящего прорвались нотки тщательно скрываемого сочувствия. – Когда мы пытались найти эту девушку через личную вещь, ее мир снов был пуст. Его уже поглотила тьма.

– Я не сновидящий. Я привык доверять реальным фактам. Может быть, стоит обратиться в Полис? К их мастерам? Севр оттуда родом. Они должны быть заинтересованы. Проверить еще раз.

– Руф, – произнес Левк успокаивающим тоном врача, говорящего с неуравновешенным пациентом. – Ты помнишь, сколько лет прошло? Севр был родом из Полиса. Был, понимаешь?

– Я видел его сына.

– Это не его сын.

– Ты можешь проверить еще раз? Или кто-нибудь из твоих коллег? Или попробовать отправить запрос в Полис?

– Руф, мастера снов Александрии не хуже мастеров сна Полиса.

– Хуже, если вы посчитали человека мертвым, а он жив.

– Этот спор не имеет смысла, – сдержанно произнес сновидящий. – Но прошу заметить, Пятиглав Полиса согласился с нашими выводами. И тебя мы спасли.

– Да. Спасли.

Тогда он и узнал, как работают сновидящие.

Когда выяснилось, что пропавшие инженеры ехали на рейсовом автобусе Руфа, местный мастер сна добыл личную вещь водителя и через нее смог проникнуть в его сон. Узнать подробности похищения.

Вот только Эрис и Севру это не помогло.

Руф много раз пытался продолжить с ними мысленно разговор, который не состоялся в жизни. Не мог простить себе, что не вмешался, что позволил убить их, а сам остался жив. Он знал, что ему могут сказать эти люди: «Ты не обязан был умирать за нас». Они никогда не просили умереть за себя кого-то другого.

Силы были не равны, и это понятно...

В такой ситуации всегда лучше – смириться или сделать вид, что смирился... Здесь, в Александрии, все поступали так.

И потом, при удобной возможности, надеяться, что будет шанс: бежать, обмануть, подкупить, скрыться, убить, наконец, – но это из разряда горячих, однако несбыточных мечтаний, в реальности выходящих боком и оборачивающихся откровенным проявлением глупости. Потому что тогда – надо опасаться мести разъяренных преследователей.

Каждый сам. Только для себя и о себе.

В Полисе все было не так.

Иная психология.

Они были вместе. И Севр не мог просто смотреть. Не мог сделать вид, что не он участник событий.

Они не бросали друг друга.

И понимать это – было... уважение, восторг, недоверие...

Но когда Руф все же сумел поверить в это – в то, что в мире есть, живут, существуют, дышат и счастливы рядом совсем другие люди, без страха, без подлости, без дрожи только за свою шкуру... Он сумел изменить и собственную жизнь.

– Ладно. Извини, что отнял у тебя время.

– Все в порядке. Я всегда рад тебе.

Руф выключил телефон, еще раз посмотрел в глаза незнакомого парня, свернул ролик и полез смотреть расписание экспресса до Полиса.

Глава 5

Полис

Все зеркала лгут. Они показывают человека лучше, чем он есть на самом деле, или хуже, или... гораздо хуже. А может, все дело не в отражающей поверхности слоя амальгамы, а в самом отраженном? Каждый видит только то, что хочет видеть. Красоту там, где ее уже нет, уродство на месте легкой дисгармонии.

Талия лежала на полу, раскинув руки, смотрела в зеркальный потолок, разглядывая свой кабинет и себя саму.

Фигура в просторных шелковых брюках и длинной рубашке с широкими рукавами, застегнутой на скрученные из тонких лент узелки-пуговицы, напоминала ей морскую звезду, выброшенную на пустой пляж ясеневого паркета. Из узких трещин жалюзи, закрывающих окна, вырывались лезвия света и безжалостно резали тень кабинета на сотни желто-серых полос.

Талия ощущала теплый деревянный пол затылком, лопатками, локтями, ладонями, ягодицами, голенями и пятками, испытывая неудобство от жесткого ложа и удовольствие от неподвижности одновременно.

Стол на невысоких ножках завален тяжелыми книгами, пыльными документами, гладкими свертками рисунков. Слабо светились два экрана уснувших ноутбуков, готовые продолжить работу. Низкий, едва уловимый гул приборов вибрировал, касаясь кончиков пальцев. Дружелюбно мерцал коммуникатор, вставленный в гнездо колонок, и бормотал успокаивающим баритоном Ореста, читающего сводки с фронта стопятидесятилетней давности.

Уже две недели харита работала над сложным сном. Симулятор реальных действий, историческая отсылка. Клиент хотел погрузиться во времена последней войны с Бэйцзином. Стена еще не построена. Внутренних конфликтов в Полисе не было очень давно, мастера снов успешно предотвращали все столкновения. Но противоречия с ближайшим соседом становятся непреодолимы и приводят к военному противостоянию. Краткому, по счастью...

– Танк «Mars-5», – произнесла Талия, – вышли мне изображение и технические характеристики.

Орест прервался и сказал через несколько секунд:

– Сделано.

Тут же один из экранов мигнул и засветился ярче.

Харита поднялась, села перед столом, скрестив ноги. И стала смотреть на железную машину, выплывающую из монитора, пытаясь создать правдоподобный образ. Гладкая сталь, местами шершавая, вполне возможно, горячая... грохот, лязг, надсадный рев, облако гари, гусеницы с хрустом давят тонкие деревца...

– Ну и...? – осведомился помощник, разрушая в ее воображении яркую картинку своим почти осязаемым теплым голосом.

– Запах, – сказала Талия задумчиво.

– Что?

– Горячее железо, машинное масло... дизельное топливо. Чем пахнет дизельное топливо?

– Едкая, удушающая вонь, – предположил вдохновитель.

– Я могу назвать тебе десяток вещей, издающих удушающую вонь. Твой одеколон, например.

Коммуникатор донес приглушенный смешок Ореста.

– Ясно, пойду трясти историков и механиков. Пусть добудут мне ведро солярки и подожгут. Перекину тебе через сон свои ощущения.

– Жду с нетерпением, – откликнулась она и завершила разговор.

Извечная проблема создания сна. Ради нескольких минут действия надо перелопатить гору информации, просеивая ее сквозь сито логики, затем взвесить ценные находки на весах достоверности, рассортировать по степени важности, разложить на яркие фрагменты эпизодов, собрать в захватывающее действие и раскрасить поверх безудержными красками воображения.

– А диалоги между тем не готовы, – сообщила Талия сама себе и снова откинулась навзничь.

Пол охотно принял ее в свои твердые объятия. Даже когда со стороны казалось, будто она ничего не делает, – харита продолжала работать. Анализировала, впитывала впечатления, мысленно проговаривала реплики героев и вертела воображаемую камеру, выстраивая сюжет сна.

Талия повернула голову, глядя на шкаф, занимающий целую стену напротив стола.

За стеклом блесст ряд кристаллов. В основном белые, среди них два густо-синих. Похоже на выставку драгоценных камней. Гостям казалось, что это всего лишь украшения. Когда они узнавали, что это сны, – интерес к «безделушкам» резко возрастал.

Один кулон лежал отдельно. По сколотому краю пробегает искорка. В темно-серой глубине раухтопаза бледная звездочка. Талия создала его для себя.

Она мельком заметила в зеркале потолка свою улыбку. Не мягкую, не женственную, не придающую очарования. О близких полагается хранить самые теплые, светлые воспоминания. Первая влюбленность, первое путешествие, первый успех... Харита могла долго перечислять, что именно хотят видеть люди в своих волшебных грезах. Ливень успехов, нереальная победа, особенно удачный секс, дорогой человек рядом...

...Феликс бесцеремонно взял кулон, протянул цепочку между пальцев. Талия наблюдала, как тонкие звенья прочерчивают едва заметные полосы на его смуглой коже.

– Что здесь? – спросил он с легким вызовом, вновь опускаясь на кровать рядом с ней. Подбросил камень на ладони. – Какие тайны ты прячешь в этом камешке?

– Тебе не нужно смотреть, – сказала харита, зная, что ее совет будет проигнорирован.

– Интимные воспоминания? – Феликс накиннул цепь на шею, усмехнулся многозначительно. – Про меня?

Талия улыбнулась в ответ на его самоуверенность.

– Ты там тоже есть.

Он откинулся на подушку. Сжал в кулаке камень, лежащий на груди. Харита не слышала слово-приказ, произнесенное едва разборчиво, и спустя мгновение сновидящий уже погрузился во тьму, где жили воспоминания, разбуженные ее даром.

Она прикрыла глаза. В тонкой щели между ресницами тускло светились грани серого камня. Протянула руку, касаясь кончиками пальцев его плеча. Физический контакт не обязателен, но ощущение живого и теплого рядом было приятно, успокаивающе. А затем нырнула следом за ним.

Сон был мощным, но непродолжительным. Кратким по меркам хариты, создающей видения длиною в целую жизнь. Полное погружение. Переключение с одного персонажа на другого. Картинка с разных ракурсов. То, чего она не видела и не знала – дополнила по чужим рассказам и воспоминаниям. Получилось вполне достоверно.

Сейчас Феликс видел последний обрывок. И она знала, что именно он чувствует и переживает.

В плечи и поясницу впивались изогнутые шпангоуты старой лодки. Ступни потеряли чувствительность. Под ребрами тлел сгусток боли. Перед глазами на необозримой высоте плыли

звезды. Погружаясь в них, можно потеряться. Река лениво облизывала борта. Весла плюхали о воду. Влажная жара, пролившаяся дождем недавно, давила на тело, выжимала едкий пот из кожи, заползала в ноздри и гортань липкой вонью гнили и разложения.

Еще немного. Надо потерпеть совсем немного...

Слепящий свет расплосовал черную ночь, хлестнул по глазам. Десяток белых фонарей осветил реку. Голос, рывнувший в рупор с металлическим равнодушием, оглушил.

– Вы приближаетесь к государственной границе Бэйцзина. Немедленно остановитесь. Иначе по вам будет открыт огонь.

Лодка качнулась. Перед глазами Талии мелькнула черная тень. Высокая фигура выпрямилась во весь рост, закрывая собой от пуль.

– Не стреляйте! – молодой, отчаянный голос пытался перекрыть металлические фразы из динамика. – Не стреляйте! Здесь раненные!

– Вы приближаетесь к государственной границе Бэйцзина...

В борт ударила пуля. Во все стороны полетели щепки.

– Не стреляйте!

...сон оборвался. Феликс сел на постели, сорвал с себя кулон, швырнул его на столик у кровати. Повернулся к Талии. Спросил хрипло и ошеломленно:

– Зачем?

– Я предупреждала. Тебе не надо это видеть.

– Почему из сотен прекрасных моментов жизни ты выбрала именно этот? Помнишь, как мы вымокли до нитки в парке Киприды, а потом голыми танцевали на крыше грота Эрота?

Харита улыбнулась.

– Помню, конечно.

– А как я добыл ключ от центральных терм и привел тебя туда в день, когда они были закрыты. Мы были там одни всю ночь.

– И это помню.

– Пикник на скале Александра? Весь город как на ладони. И шум водопада.

– Я все помню, Феликс.

Он начал заводитьсь. Побелели скулы, светло-светло-карие глаза стали желтыми, как у волка, хищно раздувались ноздри.

– Тогда почему ты раз за разом вспоминаешь эту... это... – Он фыркнул, не в силах в полной мере передать свое отношение к увиденному. – Ты – харита, милосердное, светлое, одухотворенное существо, создательница волшебных иллюзий. Ты не гурия, и даже не морок.

– Напоминай мне об этом почаще, хорошо?

– Уничтожь этот сон, – заявил он категорично и кивнул в сторону кристалла, валяющегося на столике. – Или давай я уничтожу.

– Нет, – ответила она резко. – Я должна помнить. Мне нужно помнить, как все было.

Феликс притушил желтый огонь в глазах. Понял, что переходит допустимую грань в своем влиянии на нее.

– Ладно. Не смею настаивать.

Больше он не вспоминал про это видение. И она не напоминала...

Талии захотелось взять кристалл, крепко сжать в ладони. Острые грани врезались в кожу. Больше не нужно погружаться в сон, чтобы пережить его. Достаточно просто перебирать в памяти фрагменты воспоминаний. Своих и чужих.

Но вместо этого она протянула руку, взяла стопку листов с распечаткой пророчества Герарда и начала перелистывать. Харита уже просматривала их, но не нашла ничего цепляющего взгляд. Абстракции, формы, вставленные одна в другую, цветовые пятна, наложенные на конкретные образы. Одни картины похожи на бред сумасшедшего, другие напоминали психологические тесты, третьи – тончайшие, изысканные гравюры. Изгибы странных улиц, башни,

затопленные площади, хоровод звезд, маски зверей... Талия глубоко вдохнула, до предела наполняя легкие воздухом, задержала дыхание – пока сердце не начало колотиться о ребра – и медленно выдохнула. Контроль над собственным телом давал ощущение уверенности и покоя, так необходимые в работе.

Харита выпрямилась, закрыла глаза, на ощупь перебрала гладкие листы, шуршащие под пальцами как осенние листья, разложила вокруг себя и только после этого посмотрела, но снова ничто не зацепило ее внимание.

Резкая трель коммуникатора ворвалась в тишину комнаты.

– Ответить, – велела Талия, и, реагируя на ее команду, вызов был принят.

Голос Тайгера – суровый, металлический, мощный, вызывающий ассоциации с далеким лязгом стали, грохотом щитов и колонн марширующих легионеров, – зазвучал совсем рядом.

– Ты видела новости?

– Нет. Я работаю.

– В Полисе теракт.

Талия рывком села, подалась вперед, к источнику звука. Экран охотника был выключен, и она видела лишь серое поле с расплывающимися вязкими пятнами заставки. А он, вполне возможно, видел ее сосредоточенное лицо, настороженные глаза.

Слово «теракт» вызвало у нее однозначные ассоциации. Перед глазами тут же замелькали картинки. Желтое солнце, плавающее в мутном небе, черные силуэты пирамид на каменном плато, широкая дуга залива, белые здания с мощными колоннами. Но не ее город. Не Полис. Черная, ленивая река, лодка, медленно скользящая по воде. Лодка... Талия зажмурилась, провела пальцами по векам, так что перед закрытыми глазами появились красные круги.

– Что произошло?

– Стрелок на крыше в центре города. На перекрестке Эола. Убил несколько человек, ранил почти три десятка до того, как эринеры его остановили. Вот только арестовать не удалось. Получив дротик с дозой снотворного, он умер. Во сне.

Из бесформенных пятен сложился новый образ. Здание, охваченное огнем, черные надломленные стены, окна, выплюнувшие на мостовую мелкое крошево разбитых стекол, фигура окровавленного человека, он идет шатаясь, подволакивая ногу, затем падает и больше не шевелится...

Умер во сне... Как знакомо и объяснимо. Человек получил приказ пойти убивать, а когда план реализовался – уничтожили его.

Тайгер молчал, прекрасно зная, как работает ее голова, не торопил, давая собраться с мыслями.

Нечто такое она видела совсем недавно. Другой ракурс, другой сюжет, но одна тема. Боль, кровь, мертвые тела, раскуроченные машины... Талия разворошила листы и выхватила один.

Узкая улица с невысокими домами. Разбитые автомобили на проезжей части. Ливень стекол. Толпа людей, жадно разглядывающая место трагедии. На переднем плане девушка в позе сломанной куклы. Юбка задралась, по обнаженному бедру ползут струйки крови, обтекая синяк причудливой формы. Улитка... или какой-то водный моллюск с закрученной раковиной...

– Талия, – произнес негромко Тайгер, обрывая ассоциацию, только начавшую вырисовываться в воображении хариты.

Она отсекала ненужные зрительные эффекты, сосредотачиваясь на его голосе.

– Стрелка опознали?

– Нет. Но в центр сновидений Полиса обратился человек по имени Руфус Калхас, – ответил охотник. – Он работал в группе ОБСТ в Александрии. Связался с ЭВРом Полиса через свой бывший отдел, эринеры в свою очередь передали информацию нам. Так вот, Руф считает, что знает убийцу.

Талия не задавала лишних вопросов, ожидая продолжения.

– В молодости он работал водителем автобуса, перевозящего пассажиров между оази-сами. – Тайгер говорил сдержанно, передавая основную суть, не отвлекаясь на ненужные подробности, однако для Талии каждая его фраза звучала сурово, веско, образно. – Однажды к нему сели двое инженеров из Полиса. Но до места назначения автобус не доехал. На него напали, одна из местных банд. Транспорт сожгли, людей похитили. Водителю удалось спастись. Сновидящие Александрии, разыскивая пропавших, вытащили его и всех, кто оказался с ним рядом.

– Но не этих двоих из Полиса. – Взгляд Талии снова притянуло изображение аварии в иллюзорном городе и уже не отпускало.

– Да. Они исчезли.

– И какая связь у этого давнего случая с сегодняшним терактом?

– Руф отслеживал новости из Полиса. Он не видел полностью лица преступника, но очень хорошо разглядел глаза. По его словам, точно такие же были у пропавшего инженера.

Воображение хариты вновь заработало на полную мощность. Она видела по меньшей мере три варианта развития сюжета. И все они были вполне логичны.

– У него с собой предмет, на который записан сон-воспоминание, – говорил между тем Тайгер. – Бывший оперативник считает, что сновидящие Александрии упустили какую-то деталь, расследуя это похищение, а мы можем внести больше ясности.

– Он заблуждается, – почти машинально ответила Талия, рассматривая синяк на ноге девушки – не улитка и не моллюск... нечто другое. – Я контактировала с мастерами снов Александрии. Они вполне профессиональны.

– Два человека. Из Полиса. Похищены. И теперь предположительно сын одного из них расстреливает наших сограждан.

– Почему именно сын? – тут же спросила харита.

– Талия, это его предположение, – терпеливо пояснил Тайгер.

– Хорошо, пока могу взять за основу эту версию. Но ты же понимаешь, насколько она абсурдна.

– Всегда сложно представить, что уроженец Полиса станет убивать мирных, незащищенных людей, – произнес он.

Харита усмехнулась:

– А я могу. Причем очень легко.

Тайгер ничего не ответил на это, и она продолжила свои размышления:

– Ребенок, воспитанный в ненависти, всегда склонен к агрессии...

Файлы сложились. Теракт, авария, убитые, кровь, уроженец Полиса... Талия приподнялась, вставая на колени, взяла рисунок обеими руками и поднесла к лицу, ощупывая взглядом каждую линию.

– Это не улитка, – прошептала она почти беззвучно, однако охотник услышал.

– О чем ты?

– Тайгер, ты не представляешь, как помог мне сейчас с этой работой.

Он молчал, ожидая более внятного объяснения.

– Видения Герарда! Я только что разгадала один из знаков.

– Где? – спросил он отрывисто.

– Бэйцзин.

Талия сменила позу. Тело само приняло положение, которое, как ей казалось, оно давно забыло. Колени плотно сомкнуты, пятки вминаются в ягодицы, руки опущены и лежат ладонями на бедрах.

– Бэйцзин? – повторил Тайгер, и в его металлическом голосе прозвучало изумление. – Ты уверена?

Харита поняла, что ее слова сбили какие-то важные настройки в его собственном предположении. Опровергали выводы, сделанные охотником еще до этого разговора.

– Уверена. Абсолютно. Мне нужно поехать туда.

– Именно тебе? Ты знаешь, что нужна мне здесь, и кроме того...

Она перебила его, чего прежде никогда себе не позволяла.

– В одном из файлов Герарда маленькая деталь. Рисунок – схематическое изображение... слабо различимое, смутное, но узнаваемое. И он мне очень знаком.

– Где ты его видела?

Талия невесело усмехнулась, с силой переплетая пальцы.

– На своем бедре. Очень давно у меня была точно такая татуировка.

Охотник больше ни о чем не спрашивал. Его молчание становилось грозным, тяжеловесным, невыносимым, а затем обрушилось одной жесткой фразой:

– Именно поэтому ты не поедешь в Бэйцзин.

– Тайгер!

– Я знаю, кто набивал такие татуировки, когда и зачем.

– Но ты же понимаешь, я должна быть там. Я делаю это не ради себя, а для Полиса.

– Однажды мы уже едва не потеряли тебя, – произнес он мягко, но непреклонно, и харита знала, что бесполезно пытаться повлиять на его решение. – Я не хочу повторения. Единственное, чего нельзя изменить – это прошлое. А мы исправляем будущее, Талия. Ты не поедешь. Ты нужна мне здесь.

Теперь молчала она. Можно было потребовать сбора Пятиглава и вынесения ее просьбы на голосование. Но они оба знали, что харита не сделает этого.

– Хорошо, – произнесла она невозмутимо, показывая, что больше не станет настаивать. Если Тайгер сейчас видел ее лицо, то прочел бы на нем лишь выдержанное принятие его решения. – Понимаю, что тебе важна тема Александрии. Я могу встретиться с Руфом.

– Ты специалист по снам-воспоминаниям. Если ты не найдешь ничего ценного в его сне – значит, больше никто не найдет.

– Где я могу побеседовать с нашим гостем?

– Когда он доедет, остановится в отеле центра сновидений. Как только изучишь всю информацию, сообщи мне выводы.

– Конечно.

Она хотела прервать контакт, но Тайгер остановил ее:

– Талия, не думай, что я не понимаю тебя.

– Не думаю, – ответила она сухо.

Он усмехнулся.

– Но тем не менее ты досадуешь и упрекаешь меня. Давай договоримся так. Ты посмотришь сон Руфа, а я подумаю над твоим предложением поехать в Бэйцзин.

Талия улыбнулась, глядя в пустой экран.

«Ты знаешь, что я могу взбунтоваться, а ты великолепно умеешь пресекать любое неповиновение. Запретом, честным договором, советом...»

– Тебе так важен этот сон?

– Да. Я получил отчет Аметила. Он выполнял мое задание и отлично с ним справился. Во сне, куда он погружался, промелькнула Александрия. Теперь мне важно узнать, что увидишь ты. Хочу сопоставить сведения.

Он не стал посвящать ее в подробности. Но Талия понимала, эти факты – теракт, появление уроженца агломерации с неожиданными сведениями, сон перекованного дэймоса – связывались в интересную цепь.

– Хорошо. Я встречусь с визитером из земли Птолемея. И обещаю, что не сорвусь в Бэйцзин без твоего одобрения.

– Рад слышать, – отозвался он с неожиданным легким теплом в голосе и отключил связь.

Талия сидела некоторое время не двигаясь, окруженная мягким шелестом техники, работающей в режиме сна. Скоро голени затекли от пребывания в неудобной позе, и харита почувствовала мелкие иголки, покалывающие кожу изнутри. А также внутреннее беспокойство, чем-то напоминающее эти хаотичные уколы.

Она поднялась, несколькими сильными, скользящими движениями растерла ноги и пошла собираться.

Сегодня в центре было на редкость много народа. В саду играли дети, компании подростков заняли все спортивные площадки. Несколько пар в возрасте прогуливались по мелким рукотворным ручьям с минеральной водой и неровным дном для массажа ступней. Слышались негромкие разговоры, беспечный смех, плеск воды...

Талия шла, глядя на веселые, беззаботные лица, и ощущала странное чувство раздвоенности. Реальность, которая может разрушиться еще быстрее, чем сон. Вспомнилась одна из ярких ассоциаций Феликса. Полис – здоровое, цветущее дерево, корни которого со всех сторон подтачивают черви. И чтобы избавиться от них, не следует бояться испачкаться в грязи. Весьма образно и правдиво...

Человек, с кем она должна встретиться, сидел на скамье в одном из внутренних дворики.

Не приближаясь, Талия некоторое время внимательно рассматривала его. Руф напомнил ей изображение постаревшего императора Светония. Худое лицо, испещренное глубокими продольными морщинами. Резкий, волевой рот. Запавшие глаза, светящиеся упрямыми, злыми огоньками. Густые седые брови. Крупный нос с прямой выразительной античной переносицей. Коротко постриженные волосы, когда-то светлые, теперь как будто присыпаны пеплом. Еще он был похож на хищную птицу, потрепанную жизнью, – потерявшую часть перьев, но все еще опасную.

Первое впечатление сложилось. Харита глубоко вдохнула, настраиваясь на общение. Симпатия, участие, искренний интерес... Вот то небольшое, что ей сейчас надо показать этому человеку.

– Руф? Я – Талия. Приятно познакомиться.

Он вскинул голову, посмотрел на нее светлыми, настороженными глазами. Поднялся, пожал ладонь, протянутую для приветствия. В его движениях была некая скованность, словно он преодолевал напряженность в мышцах или приглушенную боль.

Опустился обратно на скамью, с видимым удовольствием вытянул ногу, положил руку на правое колено, и Талия заметила, как напряглись его жилистые пальцы, машинально зажимая источник дискомфорта. Девушка села рядом.

– Я буду работать с вашим сном.

Руф все еще изучал ее, делал какие-то свои выводы. И судя по его насупленным бровям, не самые воодушевляющие.

– Вы специалист по поиску людей? – спросил он наконец.

Талии понравился его голос. Не уставший от жизни, не слабый, не глухой. Наполненный сдержанной внутренней силой.

– Я харита. Создаю сны наподобие того, что вы привезли с собой.

– Я знаю, чем занимаются вдохновители, – ответил он, продолжая рассматривать ее. – Красивые картинки и недоступные в реальности удовольствия. Это не то, что мне нужно.

– Вы не совсем верно оцениваете мою работу. – Талия слегка улыбнулась в ответ на его сомнения. – Кроме создания сна я могу проанализировать чужое видение. И не важно, что оно показывает – похищение людей или прогулку по лесу. Я вижу, *как* сделан сон. Структура, наполнение, могу определить его целостность и... подлинность.

Харита намеренно произнесла последнее слово. Сон никогда не был для нее истинным или ложным. Но привычное определение зацепило бывшего работника отдела борьбы с терроризмом.

– Начнете работу сегодня? – спросил Руф.

– Да.

– Когда я получу результаты вашей экспертизы? – Взгляд мужчины попытался придавить ее холодной, властной тяжестью, но Талия отразила его приветливой улыбкой.

– Это зависит от длительности сна и его наполненности.

– Я смотрю его за час.

– Значит, мне понадобится не меньше трех. Плюс время на дорогу до дома.

– Почему не хотите сделать это здесь? – Руф указал на отель, в котором остановился. – Номера очень приличные и кровати удобные.

Можно было объяснить ему специфику работы мастеров сна, привязанных к своим домам, но Талия произнесла понимающе:

– Не хотите надолго расставаться с носителем сна? Обещаю, он не пострадает после моего воздействия. И я его не потеряю.

Руф нахмурился, но оценил ее проницательность.

– Это единственная зацепка.

– У меня большой опыт обращения с подобными вещами.

– Я поеду с вами, – решил он внезапно и пробормотал, глядя на свои тяжелые руки, переплетенные нитями вен: – Сидеть здесь и ждать сутки...

– Не думаю, что это хорошая идея, – заметила Талия сдержанно.

– Сомневаетесь в своей безопасности рядом со мной? Я ведь из Александрии, мало ли кто и что мог внедрить в мое подсознание, – он прищурился, думая, что разгадал ее тайные опасения. – Меня уже проверили ваши мастера сна, и с эринерами я тоже говорил.

– Нет, я не против вашего присутствия. И не опасаясь за себя. Просто вам будет некомфортно.

– Ничего. Справлюсь. – Руф наклонился, взял трость, прислоненную к скамье, поднялся, опираясь на нее. Заметил взгляд хариты, коротко бросил: – Я готов идти.

– Ну хорошо, – Талия встала следом, – идемте.

Она наблюдала за ним. Видела, что он замечает это, и примерно представляла, о чем думает. Сначала решил, это внимание вызвано осторожностью. Чужак из Александрии – не самого спокойного и благополучного города, кто знает, что у него на уме? Затем у него возникло подозрение, что ее забавляет недоумение, которое он пытается сдержать, глядя по сторонам. И ему нужно было время для того, чтобы осознать – он интересен ей как человек.

– Почему не спрашиваешь, понравился ли мне Полис? – наконец задал вопрос Руф, когда они садились в скоростной поезд, который также называли Ледяным экспрессом.

– Это было бы неуместно, – сказала Талия, занимая место у панорамного окна. – Вежливый человек будет вынужден ответить «нравится», но испытает неудовольствие, оттого что из него вытянули хвалебный отзыв.

– А невежливый человек? – Руф сел напротив, удобнее устраивая плохо сгибающуюся ногу.

– Считая себя находящимся в зависимом от меня положении, потому что я должна выполнить для него важную работу, произнесет то, что я хочу услышать. Но станет копить раздражение из-за своей вынужденной деликатности, и в итоге это выльется в неизбежный конфликт.

– Ну а если ему действительно понравится?

– Тогда он сам скажет это. Мне не потребуется спрашивать.

Собеседник пристально смотрел на нее какое-то время, потом усмехнулся.

– Ты всегда знаешь ответы на вопросы, даже незаданные?

– Это профессиональное, – улыбнулась Талия. – Я создаю сновидения, и диалоги, которые звучат в них. Поэтому могу предположить, какая реакция последует на определенную реплику.

Руф хмыкнул что-то неопределенное, посмотрел в окно. Экспресс несся сквозь районы зеркальных небоскребов и подвесных садов.

– Не так много людей на улицах, как я думал.

– Большинство горожан в это время дня заняты работой, кто-то проводит время на спортивных площадках или в центрах досуга...

В его взгляде не было прямого недоверия, но легкое сомнение отразилось. Он пытался представить общество, в котором у людей не возникает желания убить ненужное время.

– Руф, какой, по-твоему, самый опасный человеческий порок? – спросила Талия.

– Страх, – ответил он мгновенно.

– Лень, – возразила она. – Ложь от лени. Проще солгать, чем совершить какое-либо усилие над собой или своей жизнью. Зависть от бездеятельности. Когда ты не можешь добиться ничего в жизни из-за лени, возникает раздражение на более успешных окружающих.

Поезд нырнул в тоннель и увеличил скорость. В салоне зажегся свет, и тени легли на лицо Руфа жесткими складками.

– Страх от безынициативности тоже, – продолжала свои размышления Талия. – Это и боязнь наказания за нежелание работать или несделанную работу, опасение совершить ошибку из-за отсутствия профессиональных навыков, не полученных опять же от лени...

Руф слушал ее очень внимательно, с интересом, хотя и не скрывал чуть насмешливую улыбку.

– Убивают, по-твоему, тоже от лени? И воруют?

– Да. Если человек не желает утруждаться и совершать каждый день скучные, как ему кажется, действия на работе – ему проще украсть. А убивать легко, когда ненавидишь всех, кто достиг в жизни того, чего нету тебя. Потому что ты не получил образования все из-за той же лени и не имеешь достойную профессию, или не хочешь напрягаться вообще.

– А если он хочет и учиться и работать, но ему не дают? – хмуро спросил Руф. – Нужно раздать столько взяток, чтобы пробиться в приличное учебное заведение. Не говоря уже о доходном месте.

«Ну да, – подумала Талия, – он же из Александрии. Честным трудом там сложно добиться чего бы то ни было».

– Но вы, Руф, добились чего хотели?

Он усмехнулся невесело.

– Также не получил бы ничего без посторонней помощи. В академию точно не поступил.

– И кто вам помог?

– Один сновидящий. Это было давно, – промолвил он нехотя, а затем продолжил с куда большим воодушевлением: – Но вообще интересная теория. То есть, ты хочешь сказать, в Полисе низкий уровень преступности только потому, что ваши люди успешно борются с ленью?

– Не только...

Тема преступлений и борьбы с ними конечно же больше всего интересовала оперативника из ОБСТ, пусть и бывшего. Он хотел спросить еще что-то, но в этот миг экспресс вырвался на поверхность.

...Вокруг были горы.

Все немногочисленные пассажиры замолчали, глядя в панорамные окна. Снежные вершины на фоне ослепительного синего неба надвигались, закрывали горизонт, сами становились единственным ориентиром в этом величественном, холодном мире...

Когда поезд прибыл на конечную станцию, Руф вышел из вагона – и замер ошеломленный, видя теперь всю панораму.

Все, кто оказывался здесь, останавливались и безмолвно смотрели по сторонам несколько минут, не в силах сдвинуться с места. Даже Тайгер, который немало повидал на своем веку.

Величественный Мон Сильванус⁸ с острой вершиной, лишенной снега из-за сильнейших ветров на высоте, выделялся из всей Пеннинской гряды самым узнаваемым, зазубренным профилем.

Внизу, у подножия гор тянулись узкие пешеходные тропы, ведущие к озерам – круглым каменным чашам, наполненным ледяной водой, кажущейся сверху зеленой. Длинные ледники, покрытые глубокими трещинами, сползали с гор. Их ровное дыхание касалось путешественников, стоящих на обзорной площадке, зимним холодом и тут же откатывало, сменяясь теплым ароматом трав с альпийских лугов.

– Значит, здесь ты живешь. – Руф рядом с Талией прищурился, поднял руку, заслоняясь от яркого солнца.

– Вон там. – Харита показала на каменный купол чуть выше обзорной площадки.

– Похоже на обсерваторию.

– Когда-то давно ею и был. Мой учитель перестроил его...

Руф удобнее перехватил трость, коснулся покрасневшего лба. Талия, увидев этот жест, ненавязчиво взяла гостя под руку.

– Здесь высота больше трех тысяч. Без адаптации тяжело находиться на открытом воздухе. Идем, у меня в доме давление выравнивается.

Узкие ступени, вырубленные в скале, вели к крыльцу. Между булыжников вилась алая сныть, прижатая к земле ветром. Растение – неизменный спутник сновидящих.

На соседнем холме стояло трехэтажное здание из темного камня, построенное в том же стиле, что и древняя обсерватория. Внушительное и грозное на фоне белых склонов гор.

– Это отель, – сказала Талия, заметив взгляд Руфа. – Сюда приезжают кататься на горных лыжах, альпинисты взбираются на Лесной перевал.

Она поднялась по широким ступеням. Двери, реагирующие на движение, открылись, приглашая внутрь, в полутемный круглый холл. Изогнутая лестница из серого гранита вела на второй этаж, и оттуда лился поток яркого горного солнца.

– Присаживайся, – харита указала на ряд кресел. – Здесь, за стойкой, чай, кофе... Если станет скучно, можешь спуститься к отелю. У них очень хороший ресторан.

– Я подожду здесь. – Руф сунул руку во внутренний карман пиджака, вытащил флэш-карту устаревшей модели и подал харите.

– Я сделаю все, что от меня зависит, – сказала она именно то, что гость хотел услышать.

Он кивнул, подошел к одному из кресел и устало опустил в него, рассеянно поглядывая по сторонам.

Талия сняла плащ, не глядя положила на спинку стула, сбросила ботинки.

Поднялась в свою жилую комнату. Постояла у окна, глядя на панораму гор и настраиваясь на работу. Опустила жалюзи.

В кровати она вытянулась, сжимая в ладони трофей, закрыла глаза, вспоминая. Мэтт спрашивал, что помогает ей выйти в сон. Она не ответила тогда.

Сначала темнота.

Затем оглушительная тишина, какая бывает лишь после раската грома и выстрелов.

Мягкое покачивание, словно дно лодки поднимают и опускают невысокие волны.

А затем глубокий, уверенный голос, шепчущий на ухо:

«Все хорошо. Слышишь? Ты в безопасности. Теперь ты можешь уснуть».

⁸ От *лат.* Mons Silvanus – «лесная гора», «лесной перевал».

«Теперь я могу спать», – повторила Талия про себя и погрузилась в реальность, созданную другим вдохновителем.

Путешествие по миру сна было не долгим, впрочем, как и сам этот сон. Харита то скользила по событиям, просматривая несложную прямую ветку сюжета, то заглядывала в глубину подсознания, где скрывались истинные мотивации и зацепки. Сложная работа, отнимающая ничуть не меньше сил, чем создание сновидения...

Когда Талия спустилась вниз, Руф сидел на прежнем месте, напряженно ожидая ее возвращения.

– Все нормально? – спросил он сухо, и харита поняла, что он пытается скрыть под суровой сдержанностью тревогу.

– Да.

– Заметила что-нибудь?

– Этот сон записан по твоим воспоминаниям?

– Да.

– Ты часто пересматривал его?

– Пару раз в месяц.

– Кто его делал?

– Один из специалистов Александрии. Его зовут Левк.

Талия села в кресло напротив, положила руки на шею сзади, запрокинула голову, разминая уставшие мышцы.

– Что-то не так? Талия, в чем дело?

– Этот сон слегка подправлен. Я видела три слоя. Первый – основная канва сюжета... происшествия. Затем поверх еще один – работа вдохновителя, который восстанавливал твои слегка размытые воспоминания, и это нормально, ведь человек не может помнить все, досконально. А вот последний срез – несколько фрагментов, виртуозно внедренные в текстуру. Очень тонко, незаметно.

– Мне подсунули фальшивку? – спросил он глухо. – Все было по-другому?

Талия крепко взяла его за руку. Ощутила под пальцами сухую, горячую кожу.

– Все было так. Но с нюансами. Из года в год ты пересматривал этот сон и сам загружал себе в память подправленные воспоминания.

– Кто это сделал?

– Тот, кто записывал для тебя сон. Или тот, кто имел доступ к этому носителю сна.

– Зачем? Если я видел то, чего не должен был видеть, почему меня просто не убили? – Он машинально освободился от ее ладони, все еще сжимающей его руку.

– А может быть, сновидящий всего лишь хотел оградить тебя от жестоких картин реальности. Сгладить впечатления. Дать тебе жить нормальной жизнью без боли и сожалений.

– Когда ты смотрела – видела то, что было на самом деле?

Харита отрицательно покачала головой. Она не видела. Она догадалась. Слишком большой опыт и знание психологии людей Полиса, для которых – и про которых – она создавала свои сны. Впрочем, Талия так же хорошо представляла жизнь в агломерации и ее законы.

Но Руфу не были нужны ее догадки.

Он нуждался в реальных фактах.

– Какие места исправлены?

Талии очень не хотелось говорить об этом, но он буквально вцепился в нее, требуя ответа.

– Несколько мгновений во время нападения. Буквально секунды. Эпизод в кузове грузовика. Разговор со сновидящим в камере.

– Кто-нибудь может вытащить из меня подлинные воспоминания?

– Оракул.

– Где я могу с ним встретиться?

– Руф, – она положила флэшку на кресло рядом, – тебе не нужно...

– Что я сделал?! – Он схватил ее за плечи, жестко встряхнул, а потом отпустил так же внезапно. – Или... не сделал? Я мог спасти ее? Я мог спасти их обоих?

– Ты спас многих людей после, когда работал в ОБСТ. Если бы не этот эпизод, ты бы всю оставшуюся жизнь послушно следовал системе, в которой был выращен....

Но он ее уже не слушал.

В кресле сидел немолодой измученный человек, вновь переживая утрату, которая свалилась на него больше пятидесяти лет назад...

– Я хочу найти его. Этого парня. Террориста.

– Понимаю.

– Вы можете помочь?

Талия пристально смотрела на его лицо, выстраивая цепочку. Через сон стрелка можно проникнуть в сон Эрис... или Севра, если они живы, что, конечно, представляется сомнительным. Вот только...

– Этот человек мертв.

– Мертв? – повторил Руф.

Он поднялся, прошелся по комнате, подошел к окну, за которым стояли горы, погружающиеся в облачную дымку.

– Я хочу увидеть его.

– Он в морге.

– Значит, увижу его в морге, – сказал он твердо.

– Хорошо. Я могу договориться о посещении на завтра. И у тебя будет время отдохнуть...

– Сегодня, Талия, – улыбнулся Руф невесело. – У меня остался только сегодняшний день.

Плохие новости из дома. Похоже, у нас начинается гражданская война. Оазис Эр-Рияр подвергся бомбежке и соседний с ним Дор... Боевики расстреливают мирных жителей, сгоняют их с земель. Скоро агломерация потребует, чтобы Полис открыл Стену и пустил беженцев на свою территорию. Предоставил им убежище, еду и пособия. А вместе с ними сюда хлынут и все остальные желающие легкой жизни, которую им должен обеспечить процветающий город.

Руф говорил с горьким ожесточением, не глядя на девушку, и она примерно понимала, что он чувствует. Злость на безумие, творящееся в его мире, досада от невозможности повлиять на происходящие события...

– Подозреваю, скоро границу закроют. Я вообще не выберусь отсюда.

– Ты можешь остаться, – сказала Талия и еще до того, как закончила говорить, уже знала, что он ответит.

– Нет. Мое место там, – произнес он сухо. – Остались незаконченные дела.

– Хорошо. Едем сейчас.

– Я могу сделать это один, – возразил Руф, но харита видела, ему приятно ее желание сопровождать его.

– Ты мой гость, во-первых, – сказала девушка. – И во-вторых, я тоже хочу закончить дело, которое начала.

Здание морга, стоящее среди тысячелетних кипарисов, было выстроено в тяжелом классическом стиле позапрошлого века. Монументальные колонны поддерживали двухскатную кровлю. Барельефы на фронтонах рассказывали о быстротечности жизни и величии Хроноса⁹.

– Не знал бы, что тут, подумал – музей, – заметил Руф.

⁹ Хронос – время (др.-греч.).

Вдали, за деревьями, скрывались корпуса Центрального медицинского университета. Там обычно было шумно и людно. Здесь же, в полной тишине, лишь негромко посвистывал ветер в кронах.

– Сообщение с госпиталем и лабораторией эринеров под землей, – пояснила Талия, вдыхая аромат свежей зелени. – Чтобы на поверхности ничто не нарушало покой этого места.

В холодном мраморном вестибюле их встретил служащий в серой форме с приметным серебряным значком, стилизованным под факел. Опрокинутый, с тонкой струйкой дыма вместо пламени. Символ погасшей жизни.

– Добрый день, Плутон, – сказала Талия, показывая жетон сновидящего. – Нам нужно спуститься вниз.

Суровое лицо служителя Танатоса не изменило выражения. Глаза, прозрачные как первый озерный лед, окинули внимательным взглядом девушку и ее пожилого спутника. Взгляд зацепился за медный мак в руке Талии. Затем смотритель сделал приглашающий жест и направился в глубину вестибюля, к тускло мерцающим кабинам скоростных лифтов.

Спуск на нижние уровни занял не больше нескольких секунд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.